Учреждение образования
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы»

И.Н. КАВИНКИНА

ОСНОВЫ СЕМИОТИКИ

Пособие по курсу «Основы семиотики
(поддерживающая и альтернативная коммуникация)»
для студентов специальности
1-03 03 08-02 – Олигофренопедагогика. Логопедия

Гродно
ГрГУ им. Я. Купалы
2011

УДК 81.122(075)
ББК 81.001.4
К12

Р е ц е н з е н т ы:

Кострица С.Я., кандидат филологических наук, доцент,
ректор Государственного учреждения образования
«Гродненский областной институт развития образования»;

Мурашов А.А., доктор педагогических наук,
профессор кафедры журналистики ГрГУ им. Я.Купалы.

Рекомендовано Советом педагогического факультета
ГрГУ им. Я. Купалы.

Кавинкина, И.Н.

К12 Основы семиотики : пособие / И.Н. Кавинкина. – Гродно : ГрГУ, 2011. – 106 с.
ISBN 978-985-515-393-2

Раскрываются основные понятия семиотики, анализируются разноаспектные семиотические положения, подходы, концепции. Предназначено для студентов педагогических специальностей, магистрантов, аспирантов и преподавателей.

УДК 81.122(075)
ББК 81.001.4

© Кавинкина И.Н., 2011
© Учреждение образования
«Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы», 2011

ISBN 978-985-515-393-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Семиотика – это общая теория знака. Она рассматривает природу знаков и знаковых систем, виды знаков и знаковую ситуацию (семиозис), основные операции над различными знаками. Таким образом, семиотические понятия охватывают широкую область человеческой деятельности и человеческого познания.

Особенностью курса является его междисциплинарность. Семиотика тесно связана с психологией, философией, математической логикой и лингвистикой. С другой стороны, прикладной характер семиотики выражается в ее связи со специальными курсами (основы методики коррекционно-развивающей работы, методика коррекционно-развивающей работы при интеллектуальной недостаточности, психолингвистика и др.). Способствуя раскрытию семиотических аспектов поведения, семиотика проясняет механизм кодирования и декодирования знаков, следовательно, и механизм коммуникационного поведения ребенка, что является обязательным компонентом подготовки специалиста специальности «Олигофренопедагогика. Логопедия».

Пособие подготовлено в соответствии с государственным образовательным стандартом высшего образования по направлению «Поддерживающая и альтернативная коммуникация» (ОСРБ 1 – 03 03 08 – 2008).

Цель курса – сформировать представление о семиотике как науке, исследующей знаковую специфику процессов познания и коммуникации; стимулировать развитие у студентов навыков структурно-семиотического исследования.

Требования к уровню освоения дисциплины: знать содержание курса и иметь достаточно полное представление о возможностях семиотического описания реальности; освоить конкретные методы семиотического анализа; представить творческую работу (реферат, эссе) с семиотическим анализом избранного объекта исследования.

Знание и понимание основных положений семиотики, усвоение материала курса позволит расширить профессиональную компетентность студентов, поможет использовать полученные знания непосредственно в педагогической деятельности.

ВВЕДЕНИЕ

1. Семиотика как наука. Объект и предмет семиотики. Ключевые семиотические понятия.
2. Основные проблемы семиотики. Проблема знака с точки зрения разных областей научного знания. Факты, которые изучает семиотика.

Ключевые слова

Семиотика, объект и предмет семиотики, знак, знаковые системы, естественные знаковые системы, линейные знаковые системы, открытые знаковые системы, закрытые знаковые системы, стихийно созданные знаковые системы, операционные знаковые системы, семиотический код, семиотическая модель, знаковая ситуация.

Требования к компетентности:

- знать и понимать объект и предмет семиотики, уметь использовать полученные знания в профессиональной деятельности;
- уметь системно представлять ключевые понятия семиотики;
- знать, как решается проблема знака с точек зрения разных областей науки.

§ 1

Когда мы встречаем название какой-либо науки, то обычно оно о чем-то нам говорит. Что же говорит нам слово «семиотика»?

Приступая к изучению семиотики, нужно иметь в виду, что этот термин обладает несколькими смыслами.

Семиотика (от греч. sēmėion – знак, признак):

1) наука, исследующая свойства знаков и знаковых систем в человеческом обществе (главным образом естественные и искусственные языки, а также некоторые явления культуры), природе (коммуникация в мире животных) или в самом человеке (зрительное и слуховое восприятие и пр.);

2) наука о симптомах в медицине.

Фердинанд де Соссюр назвал эту науку «семиология». Этот термин длительное время существовал во франкоязычных странах

как параллельный семиотике, однако с 70-х гг. XX в. Ролан Барт предложил разграничить эти понятия.

Чтобы доказать самостоятельность или несамостоятельность научной дисциплины, необходимо рассмотреть объект и предмет ее изучения.

Объект семиотики – знаки и системы знаков: например, естественные и искусственные языки, метаязыки (языки науки), протоязыки (языки животных), вторичные языки (языки культуры, искусства), «язык тела» (язык жестов, мимики), язык цветов, язык татуировок и т.д.

Предметом изучения ***семиотики*** являются закономерности, тенденции, особенности возникновения и функционирования знаков и знаковых систем в знаковом поведении (т.е. использующем знаки) и знаковой коммуникации.

Ключевые понятия семиотики: знак, знаковая система, семиотический код, семиотическая модель, знаковая ситуация.

Знак – это материальный объект, используемый для передачи информации.

Иначе говоря, все, при помощи чего мы можем и хотим что-то сообщить друг другу, есть ***знак***. Например, дым над печной трубой свидетельствует о том, топится печь или камин. В то же время дым, вырывающийся из окна, является следом пожара.

Для того чтобы предмет (или событие) получил функцию знака, стал что-то обозначать, человеку нужно предварительно договориться с другим человеком, получателем этого знака. Иначе адресат может просто не понять, что перед ним знак. К примеру, цветок на окне может быть или просто элементом декора (это не знак), или сигналом «явка провалена» (это уже знак).

По мнению А. Соломоника, ***знак*** – кто-то или что-то, свидетельствующее о чем-то ином, отличном от него самого. Знак является признаком, изображает, обозначает, фиксирует или кодирует это нечто (свой референт или обозначаемое) в человеческом сознании (интерпретаторе). Знак не просто обозначает свой референт, но еще и описывает (характеризует) его, а также выступает вместо него как постоянный его представитель при обработке в различных знаковых системах.

Под ***обозначаемым (референтом)*** понимается то, что обозначается знаком.

Интерпретатор – человек, воспринимающий знаки и знаковые системы. Для понимания содержания знака, соотнесения его с референтом и обработки по правилам системы требуется именно человеческое сознание. Любое событие или предмет можно воспринять как знак, но для этого требуется интерпретатор.

Выбор формы знака зачастую определяется намерениями передающего сообщение и имеющимися в его распоряжении возможностями. Кодируя сообщение, его автор вынужден руководствоваться правилами, предоставляемыми ему системой знаков, в рамках которой он действует. Заявить о своей любви человек может словами, но может устроить для своей избранницы концерт под окнами, послать ей цветы либо найти иной вариант знаковых возможностей. Если человек пользуется азбукой Морзе, то он использует знаки этой азбуки, учитывая все их параметры: принятую форму знака, его место среди других знаков системы, все его синтаксические и иерархические характеристики и пр. Так, первая буква нового слова должна быть отделена от переданного раньше слова, что показывается соответствующей паузой и знаком, а в обычном письме – интервалом между словами. Начальная буква русского предложения всегда заглавная, абзац пишется с новой строки и выделяется с помощью отступа и т. д. Все это влияет на форму используемого знака и должно быть принято к исполнению для правильного составления и передачи сообщения.

Содержание знака определяется по крайней мере четырьмя главными факторами:

- тем, что он обозначает (его референтом из реального мира);
- его отражением в мозгу индивидуума, использующего этот знак;
- его отражением в копилке человеческого опыта;
- его местом в соответствующей знаковой системе.

В содержании знака следует различать два слагаемых: ***денотацию*** и ***коннотацию*** (от английских слов to denote – «отображать», «показывать» и connote – «передавать», «означать»). В каждом знаке имеется информация о том, что за референт изображен в нем (денотационная часть знака) и каковы характеристики этого референта (коннотационная слагаемая знака). Эти две части поразному присутствуют в знаках разного уровня абстракции, отличны и связи этих двух частей в знаках разного уровня.

Под ***знаковой системой*** понимают совокупность знаков, объединенных между собой различными видами связей. Знаковая система создается для обработки входящих в нее знаков по определенным алгоритмам, указанным в метаязыке системы.

В зависимости от основания классификации знаковые системы можно разделить следующим образом (по А. Соломонику):

1) по степени абстрактности знака:

- естественные;
- образные;
- языковые;

- системы записи;
- формализованные системы с фиксированными символами;
- формализованные системы с переменными символами;

2) по способу построения:
- построенные линейно (последовательно);
- разбитые на периодически повторяющиеся ряды;
- складывающиеся из различных групп знаков со специальными алгоритмами их обработки;

3) по открытости (закрытости):
- открытые;
- закрытые;

4) по способу создания:
- знаковые системы, возникшие стихийно;
- созданные по заранее задуманному плану;

5) по объему применения:
- принятые в качестве языков для обработки данных (текстовые коды);
- системы, созданные для данного конкретного случая.

Так, ***естественные знаковые системы*** – системы, базисным знаком которых являются сами феномены или их части. Пример таких систем – правила дорожного движения; симптомы того или иного заболевания и пр.

Периодически построенные знаковые системы – системы, имеющие матричную структуру. При построении таких систем используются по крайней мере два структурных параметра, как в периодической таблице химических элементов. Наряду с периодическими, существуют линейно построенные знаковые системы и системы, собирающие в едином поле разнообразные группы знаков, каждая из которых обрабатывается по своим алгоритмам.

Линейные знаковые системы – единый последовательный набор знаков, например, алфавит, справочник и др.

Открытые знаковые системы – системы, изначально предрасположенные для добавления или сокращения знаков. Например, телефонный справочник всегда может быть дополнен или сокращен.

Закрытые знаковые системы – системы, имеющие строго определенное количество знаков. К примеру, в современном русском алфавите только 33 буквы.

Стихийно созданные знаковые системы – системы, возникшие спонтанно, стихийно, а не по заранее продуманному плану. В задачу ученых, занимающихся упорядочением таких систем, входит приведение их в соответствие с возникающим позднее метаязыком системы.

Операционные знаковые системы – системы, созданные для конкретного случая. Примерами могут служить ярлыки на товарах, инструкции по осуществлению бизнес-операций и др. Их алгоритмы зависят как от конкретной онтологической ситуации, так и от знаков, в них используемых.

Алгоритм в семиотике – система правил, определяющая содержание и последовательность действий для обработки знаков (групп знаков), кодирующих родственные предметы или явления. В системе может быть несколько алгоритмов для разных групп знаков, как в Правилах дорожного движения. Одна из основных характеристик алгоритма – степень его ригидности: чем более абстрактна система, тем строже становятся кодировки правил обработки знаков. В системах самой высокой степени абстрактности алгоритмы принимают вид формул.

Семиотический код имеет три значения:

1. Любая семиотическая система, представляющая собой текстовый код (языковой код, математический код и т.д.).

2. Только математическая система – код, то есть система самой высокой степени абстрактности.

3. Системы секретных шифров, которые специально обслуживаются непонятными для непосвященных знаками.

Модель знака – наглядное представление знака в его различных связях и отношениях. Существуют три основных типа моделей знака:

1) модель индивидуального знака показывает его связи с обозначаемым и с отражением последнего в сознании интерпретатора;

2) модель знака в знаковой системе включает соотношение знаков между собой в контексте составляемой из них системы;

3) модель знака в семиотической реальности отражает место знака и знаковой системы в общей копилке семиотических результатов, полученных на всем протяжении человеческой истории.

Ситуация использования знака называется ***знаковой ситуацией.*** Обозначение знаками (***семиозис***) – процесс, в результате которого возникает знак. Этот процесс связан, с одной стороны, с онтологической реальностью, а с другой – с идеальным миром нашего сознания. В результате появляется семиотическая реальность.

§ 2

Основные проблемы семиотики: семиотика исследует не конкретные знаки в конкретных знаковых ситуациях. Она определяет по-

нятие знака вообще, устанавливает виды знаков, описывает типичные знаковые ситуации, наиболее общие способы использования знаков и т.п. Семиотику интересует общая проблема знака как всеобъемлющего понятия по отношению к отдельным подклассам знаков.

С одной стороны, без строгих понятий знака, языка и т.п., создаваемых семиотикой, невозможен глубокий анализ конкретных фактов, относящихся к области отдельной науки. А с другой – учитывая данные разных конкретных наук, семиотика на их основе формулирует общие законы, относящиеся к знакам. Семиотика не суммирует, а обобщает.

Семиотическая реальность – реальность, существующая в виде знаков и знаковых систем. Изучается семиотикой на базе достижений всех других наук. Столь же материальна, как и онтологическая реальность, и противостоит идеальным, мыслительным конструкциям нашего сознания (понятиям).

Знаки играют в жизни животных и человека первостепенную роль. Без использования знаков не были бы возможны ни различные формы поведения животных, ни практическая и теоретическая деятельность человека. Когда мы приветствуем кого-либо, мы говорим «здравствуйте», киваем головой, протягиваем руку для пожатия. Пчела-разведчик, найдя поле с цветущими растениями, по возвращении описывает восьмерки перед своими сородичами: количество восьмерок, их вытянутость укажут и направление, и расстояние до поля. Всем известны знаки доброжелательности собак и котов.

Деятельность же компьютеров и других ЭВМ всецело сводится к преобразованию одной группы знаков в другую согласно заданной программе. Не удивительно поэтому, что знаки составляют предмет анализа во многих науках: лингвистике, психологии, логике, патопсихологии, биологии, кибернетике, социологии и т.п.

Однако каждая из наук рассматривает знак и его использование с какой-то определенной стороны.

Лингвистика интересуется в основном языковыми знаками.

Психология выясняет особенности функционирования знаков у животных, прослеживает возникновение и развитие знаковых ситуаций у ребенка, ставит вопрос о взаимосвязи знаковой деятельности с другими психическими функциями.

Математическая логика принимает во внимание лишь роль знаков при построении особых систем, с помощью которых она исследует логические законы.

Ни одна из наук не охватывает проблему знака в целом.

Кроме того, в пределах каждой отрасли научного знания возможны свои интерпретации знаковости. Как отмечает А.А. Ветров:

«Поражает пестрота предлагаемых определений. Например, всякому изучающему языкознание бросается в глаза множество определений языка у разных лингвистов. Для одних язык есть система понятий о языковой деятельности, знание, наука; для других, наоборот, не знание, а совокупность языковых навыков, в соответствии с которыми мы используем и создаем языковые продукты; для третьих – совокупность актов речевой деятельности; для четвертых – совокупность высказываний, множество предложений (конечное или бесконечное). При этом в конкретных определениях, реализующих то или иное понимание природы языка, указываются самые разнообразные признаки. Так, К. Бюлер определяет язык посредством четырех особенностей (многосторонность языка как органона, многоступенчатость его как совокупности знаков и т.д.), К. Пайк прибегает к понятию системы морфем, А. Мартине – к понятию монемы и фонемы, Л. Ельмслев – к понятию структуры, В. Пизани – к понятию системы изоглосс, А. Шлейхер и другие рассматривают в качестве основы определения языка его отношение к мысли, Ф. Гартунг и Й.С. Фатер – его коммуникативную функцию, С. Поттер, а также Б. Блок и Дж. Треджер ссылаются на понятия коммуникативной функции и произвольных вокальных символов, П. Эринга – на понятия классов знаков и классов значений, Л. Завадовский – на понятие грамматической и универсальной семантической системы, В. Пос, Г. Стерн и другие используют понятия системы слов и правил их объединения и т.д. и т.п.».

Семиотика как раз и призвана ликвидировать существующий разнобой в понятиях. Обобщая данные многих наук, она должна выработать точные, однозначные определения, которыми в равной мере мог бы пользоваться и языковед, и психолог, и логик, т.е. представитель любой науки.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что такое «семиотика»?
2. Что является объектом и предметом изучения семиотики?
3. Кто ввел термин «семиотика»?
4. Каковы основные проблемы семиотики?
5. Как решается проблема знака с точки зрения разных областей научного знания?
6. Что является основными понятиями семиотики?
7. Что такое «знак»?
8. Напишите эссе «Основоположники семиотики».
9. Аргументированно изложите точку зрения на классификацию знаков.

Глава 1. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМИОТИКИ

1. Истоки семиотики в трудах Аристотеля, Секста Эмпирика, стоиков. Взгляды Ф. Бэкона, Д. Локка, Р. Декарта и Г.В. Лейбница на проблему знака.
2. Ч. Пирс – основоположник семиотики как науки. Типология знаков, предложенная Ч. Пирсом.
3. Развитие и систематизация принципов семиотики Ч. Моррисом.
4. Природа знака и языка в трудах Ф. де Соссюра. Семиотические идеи А.А. Потебни, В. Вунда и П. Гриеже.
5. Развитие семиотики в 1960 – 70-е годы XX века. Разная трактовка знаков и аспектов рассмотрения знаков в отечественной и зарубежной науке.
6. Тартуско-московская школа семиотики. Французская семиотика (семиология). Постструктуралистская семиотика Р. Барта, Ю. Кристевой, Ж. Дерриды.

Ключевые слова

Классификации знаков, типология знаков, семиозис, аспекты рассмотрения знаков (семантика, синтактика, прагматика).

Требования к компетентности:

- знать и понимать истоки возникновения семиотики;
- уметь обоснованно выявлять основоположников семиотики как науки;
- знать и уметь классифицированно представлять типологию знаков (по Ч. Пирсу);
- уметь устанавливать закономерности развития семиотических идей;
- знать сущность проблемы знака с позиций разных семиотических школ и уметь использовать эти знания в учебной и практической деятельности.

§ 1

Как самостоятельная наука современная семиотика сложилась к 50-м годам XX века на пересечении структурной лингвистики, кибернетики и теории информации.

Однако семиотика относится к тем наукам, которые получили свое наименование и содержание задолго до их формирования. Здесь

необходимо отметить, что в истории семиотики прослеживаются два потока идей, все полнее сливающихся в последнее время.

Первый поток идей связан с понятием знака.

Первым, кто выдвинул идею такой науки, которая бы изучала знаки, был величайший ученый древности Аристотель. В своей классификации наук Аристотель упоминает о еще не существующей, но необходимой науке, которая должна изучать все существующие в природе знаки и которую он назвал «семиотика».

В последующем учение о знаках разрабатывалось стоиками, которые рассматривали ***знак*** как сущность, образуемую отношениями формы и содержания (они называли форму воспринимаемым, а содержание – понимаемым). Стоики ввели понятие знаковой ситуации (***семиозиса***) – это ситуация использования знака.

Греческий философ Секст Эмпирик, живший в III в. н.э., выделял ***знаки*** напоминающие и указывающие, различающиеся тем, что напоминающий знак «ведет нас к воспоминанию о том, что наблюдалось вместе с ним и теперь не представляется очевидным, как, например, обстоит дело с дымом и огнем. Указывающий знак – тот, который не наблюдается вместе с обозначаемым в живом представлении, но по собственной природе и устройству обозначает то, знаком чего он служит, как, например, движения тела служат знаками души».

Занимался изучением знаков и выдающийся ученый Нового времени Фрэнсис Бэкон (конец XVI – начало XVII в.), который различал слова и знаки вещей, выражающие их значение без помощи и посредства слов. Знаки вещей, по его мнению, бывают двух родов: в первом случае знак выражает значение вещи на основе своего сходства с ней (иероглифы и жесты), во втором – знак совершенно условен (например, «реальные знаки», используемые в Китае и выражающие не буквы и слова, а вещи и понятия).

Знаками интересовались и такие известные ученые XVII – XVIII вв., как Джон Локк, Рене Декарт и Готфрид Вильгельм Лейбниц, однако они не пытались разработать теорию знаковых систем. Тем не менее в своем известном труде «Опыт о человеческом разуме» (1690) Джон Локк возвел эту сложную проблему на уровень одной из «трех наиважнейших областей интеллектуальной деятельности», предложив назвать ее «доктрина о знаках» или семиотика.

Когда Декарт ввел главные темы античности в представлении сущностного разделения сознания и тела, эпистемологически основной среди них оказался репрезентационизм (опора на представление). Согласно этому принципу, ментальные объекты представляют вещи внешнего по отношению к сознанию мира, а мышление подразумевает манипуляцию этими представлениями. Такой пос-

ледовательный дуализм породил серьезные проблемы. Важным следствием стал репрезентационистский скептицизм: представления не имеют никакой необходимой связи с представленной вещью.

Соответственно, анализ отношения языка к внешнему миру в «логическом» направлении исходит из допущения о том, что наше знание, выражаемое средствами языка, есть знание о внешнем мире, трансцендентном по отношению к этому знанию и языку. Отношение языка к сознанию играет здесь подчиненную роль: от «лектона» стоиков до «знака» Локка (и, с определенными оговорками, вплоть до многих современных вариантов «денотации» и «референции» или «интенциональности») элементы языка полагаются аналогами элементов сознания, заключающего о внешнем мире. Анализ языка выступает на этом этапе одним из средств логики; язык рассматривается как средство формирования и выражения мысли. Отсюда следует отождествление логических и языковых категорий, восходящее к Аристотелю и наиболее полно воплощенное в картезианских грамматиках. Язык рассматривается лишь с точки зрения его функционирования как данная и неизменная система средств общения и выражения мысли.

§ 2

Только во второй половине XIX века американский философ, логик и математик Чарльз Сандерс Пирс разработал общие основы семиотики, явившись ее подлинным основателем.

Некоторые авторы оспаривают право Пирса считаться основоположником семиотики. Так, А.А. Ветров считает, что семиотику основал не Пирс, а Чарльз Моррис, поскольку Моррис впервые достаточно полно и системно изложил основные положения общей теории знаков, а Пирс рассматривал типы знаков в рамках логики и смешивал семиотику с логикой. Ю.С. Степанов считает, что общие принципы семиотики были первоначально подмечены одновременно и независимо в работах Пирса и Ф. де Соссюра. Однако работы Пирса появились в 1867 г., 1885 и 1897 гг., а Соссюра – в 1916 г., поэтому вряд ли можно говорить об одновременности.

Как бы то ни было, но между появлением идеи науки о знаках и появлением самой науки прошло более двух тысячелетий.

Основными положениями новой науки стали понятия о знаковой ситуации и типах знаков.

Согласно Пирсу, знаковая ситуация включает знак, замещающий объект, создавая в разуме воспринимающего знак определен-

ное впечатление, которое Пирс называет интерпретантой. Связь между первым элементом знаковой ситуации – знаком и вторым – объектом дает возможность знаку определять третий элемент – интерпретанту (представление).

Типология знаков, которой Пирс уделял большое внимание, обращаясь к ней в работах разных лет, была разработана им чрезвычайно детально и предусматривала 66 типов знаков, сгруппированных в 10 групп на основе свойств знаков и отношений между элементами знаковой ситуации.

В ранних работах Пирс выделяет меньшее число знаков, тем не менее выделенные типы знаков весьма важны для современной семиотики, так как они наиболее широко известны и практически только они и используются современными специалистами:

- ***образы*** (icons) – знаки, относящиеся к объекту на основе схожести характеристик. Образы могут быть поделены на отражения, диаграммы и метафоры. Типичными примерами образов являются фотографии и картины, а также диаграммы, которые основаны на аналогии, алгебраические формулы;

- ***признаки*** (indeces) – знаки, относящиеся к объекту на основе воздействия этого объекта, смежности с объектом, они обязательно имеют какую-то общую с объектом характеристику. В качестве примеров признаков могут рассматриваться такие явления, как характерная походка моряка, указывающая на его профессию; предметы одежды разных народов, указывающие на их национальность; часы, указывающие время; стук в дверь (кто-то пришел); собственные имена; симптомы болезней;

- **коды** (symbols) – знаки, относящиеся к объекту на основе соглашения, обеспечивающего понимание знака, как относящегося к объекту (язык жестов, язык цветов, естественные языки).

Таким образом, Ч. Пирс ввел представление о знаковой ситуации (правда, так ее не называя) и предпринял попытку наиболее полной классификации типов знаков.

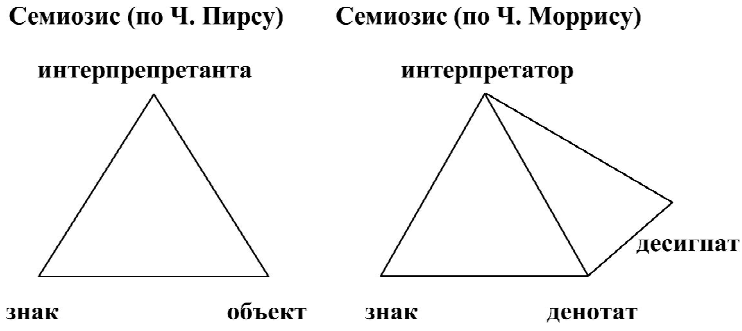
§ 3

Основные параметры анализа семиотического знака были предприняты Чарльзом Моррисом. В 1938 году он написал работу под названием «Основания теории знаков». В разделе «Природа знака» он писал: «Процесс, в котором нечто функционирует как знак, можно назвать семиозом. Этот процесс по традиции, восходящей к грекам, обычно рассматривался как включающий три (или четыре) фактора: то, что выступает как знак; то, на что указывает знак; воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для

интерпретатора знаком. Эти три компонента семиозиса могут быть названы соответственно знаковым средством, десигнатом и интерпретантой, а в качестве четвертого компонента может быть введен интерпретатор. Эти понятия и термины делают эксплицитными факторы, остающиеся необозначенными в распространенном утверждении, согласно которому знак указывает на что-то для кого-то». Таким образом, Моррис значительно изменил состав элементов знаковой ситуации. Во-первых, он добавил к первоначальным трем элементам (объект, знак, интерпретанта – представление) четвертый – интерпретатор. Во-вторых, подходя к семиотике с позиций бихевиоризма, центральным понятием которого является реакция организма на внешние стимулы, он изменил содержание понятия «интерпретанта» – это реакция интерпретатора на знак.

Изменяется и содержание понятия «объект» – вместо него вводятся понятия «денотат» – реально существующий объект и «десигнат» – «класс объектов, к которым применим знак... не вещь, но род объекта или класс объекта, а класс может включать в себя или много членов, или только один член, или вообще не иметь членов», что близко к понятию или представлению.

Таким образом, получилось 5 элементов знаковой ситуации, два из которых – знак и денотат – близки к тому, что Пирс понимал под знаком и объектом; содержанием термина «десигнат» скорее является обозначаемое знаком понятие; и фактически вводятся два новых элемента: интерпретатор и его реакция на знак – интерпретанта. Следует отметить, что, вводя понятие интерпретатор, Моррис не дает четкого разграничения между этим фактором и интерпретантой. В результате этого понятие «интерпретанта» в дальнейшем Моррисом практически не используется (ср. представление семиозиса у Ч. Пирса и Ч. Моррис):



Графическое представление семиозиса у Ч. Пирса и Ч. Морриса

Несомненно, значительный вклад в развитие и систематизацию принципов семиотики – это монография Ч. Морриса «Знаки, язык и поведение» (1946 г.).

Моррис существенно развил учение о знаковой ситуации, обратил внимание на бинарные отношения, существующие между элементами семиозиса (парные отношения).

Он впервые выделил в качестве основных разделов семиотики три аспекта рассмотрения знаков:

1) семантику – изучающую отношение знака к объекту;

2) синтактику – рассматривающую отношение знаков друг к другу;

3) прагматику – исследующую отношение знаков к интерпретаторам.

Ч. Моррис в своих работах настойчиво подчеркивал эти стороны семиозиса, и со временем установилась традиция анализировать семиотический знак по трем направлениям: семантическому (исследующему соотношение знака и изображаемого), прагматическому (исследующему связи знак – его интерпретатор) и синтаксическому (исследующему связи знаков между собой, обычно в знаковой системе). Все эти подходы привели к значительным результатам.

Введение Моррисом понятия реакции на знак практически дает возможность включить в область рассмотрения семиотики не только все общественные науки, но и большую часть проблематики биологических наук, поскольку оно позволяет рассматривать любое воздействие на организм как знак – признак внешней среды, а любую реакцию живого организма на внешнюю среду – как знаковую ситуацию. Впрочем, Моррис и рассматривал семиотику достаточно широко, считая такие науки, как «лингвистика, логика, математика, риторика, эстетика частными науками о знаках».

Определенный интерес представляют новые типы знаков, введенные Моррисом:

- индексальные знаки – для обозначения единичных объектов и понятий;
- характеризующие знаки – для обозначения общих понятий;
- универсальные знаки – с предельно широким значением.

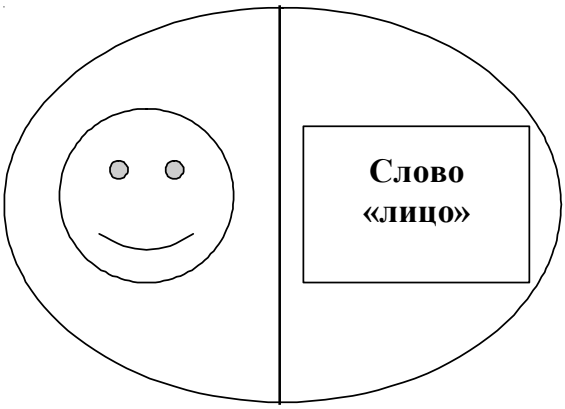
§ 4

Семиотические вопросы затрагивались и в работах основателя современной лингвистики Ф. де Соссюра, который в первую очередь рассматривал языковые знаки, хотя и обращал внимание на общ-

ность языка и других знаковых систем. Соссюр выделял в языковом знаке две стороны – понятие (означаемое) и акустический образ (означающее). В отличие от Пирса, для которого знак – скорее материальный объект, у Соссюра как означаемое (понятие), так и означающее (акустическое ощущение) имеют психический характер: «акустический образ является не материальным звучанием, вещью чисто физической, а психическим отпечатком звучания, представлением, получаемым нами о нем посредством наших органов чувств» (Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М., 1977. – С. 99). Кроме того, Соссюр отметил такие свойства языкового знака, как произвольность, немотивированность и линейный характер означающего.

Соссюр открыл в языковом знаке два значения: а) его конкретное значение, определяемое неповторимыми качествами данного знака как отдельного явления (например, таковы значения слов, записанные в толковых словарях – указываются признаки, свойства слов – знаков: СТУЛ – предмет мебели, предназначенный для сидения, с твердой горизонтальной поверхностью...), б) абстрактное значение знака, определяемое относительно, т.е. отношением данного слова ко всем другим словам языка (СТУЛ – ТАБУРЕТКА – КРЕСЛО («мягкость»); СТУЛ – СТОЛ – КРОВАТЬ («функция»).

Его схема знака – круг с чертой, проведенной по диаметру. Одна половина символизирует означаемое (содержание мысли), другая – означающее (то, чем это содержание означается, – словом, фразой и т.д.):



означаемое **означаю-**

Эту схему можно прочитать следующим образом: говорящий приводит свою мысль о предмете (означаемое) в соответствие с конкретным языком (означающее).

Второй поток семиотических идей связан с изучением национальных особенностей человечества.

Народность и нация – такие совокупности людей, которые определяются общностью языка, психического склада, территории, материальной жизни и культуры. Все эти элементы характеризуют именно единое целое, единство. Как единство, они всегда и изучались, хотя разные ученые выделяли и соединяли элементы этого единства по-разному.

Ученые начинают интересоваться этим вопросом впервые в начале XIX века, вслед за писателями-романтиками. Крупнейший языковед той поры немецкий ученый В. Гумбольдт создал учение о внутренней форме языка, своеобразной и неповторимой для каждого народа.

В конце XIX века над этой проблемой работают В. Вундт в Германии и А.А. Потебня в России. Потебня устанавливает поразительное сходство между происхождением и зависимостью слов и происхождением и зависимостью мифических образов народного творчества.

В XX веке французский ученый Поль Гриеже систематизировал все известные факты о национальных характерах и попытался создать свою теорию этнического единства людей в книге «Этническая характерология. Сближение и взаимопонимание народов».

Таким образом, на смену разрозненным представлениям о языке, психическом складе и культуре этносов, материальной и духовной, приходит идея их единства, понимание их как комплекса знаков, поскольку выработать единые критерии знаковости – это значит способствовать пониманию всего окружающего.

§ 5

По мере развития семиотики все четче формировались основные понятия и проблемы изучения.

Так основной корпус гуманитарной семиотики составляют два корпуса понятий:

1) наиболее общие семиотические закономерности (прежде всего оппозиции, позволяющие выявить дифференциальные признаки: «глухость / звонкость» фонем (пить – бить); «сидение / стояние» в позах и т.п.; а также способность к замещению – новый элемент включается в систему в форме того элемента, который он заместил; так, например, в некоторых ритуалах кочевников, первоначально не знавших лошадей, лошади маскируются под оленей (известных ранее); первые автомобили маскируются под кареты, хотя в этом нет никакой технической надобности; и другие закономерности);

2) наиболее общие семиотические членения (уровни, аспекты) исследуемых объектов – синтактика, семантика, прагматика. *Синтактика* определяется как отношение между знаками (в речи, во времени); *семантика* – как отношение между знаком, предметом обозначения и понятием о предмете; *прагматика* – отношение между знаками и тем, кто их использует.

Проблематика семиотики в 1960 – 70-е годы XX века включала следующие вопросы:

- общая семиотика и ее структура,
- типология знаков,
- аспекты семиотики,
- свойства знаков и знаковых систем,
- типология знаковых систем.

Развитие семиотики во второй половине XX века характеризовалось попытками применения ее принципов в различных областях деятельности человека. Наметившиеся в результате этого направления семиотики стали оформляться в самостоятельные разделы семиотики. Ю.С. Степанов предложил выделить следующие разделы семиотики:

1) биосемиотика – исследует системы, основанные на естественных знаках, или, точнее, на знаках, важных для самого существования организма. Этот раздел опирается на биологию, на изучение систем сигнализации (коммуникации) животных, включая низших животных, насекомых и пр. Представители этого направления – Чарльз Хоккетт в США и Н.И. Жинкин в России;

2) этносемиотика, включающая несколько направлений: одно ориентируется на антропологию и этнографию, т.е. на изучение преимущественно примитивных обществ (Эдвард Холл в США, Клод Леви-Стросс во Франции); еще одно направление на социальную психологию и инженерную психологию, т.е. на изучение высокоразвитых обществ (тартуско-московская школа, Анри Чапанис в США); третье направление – на историю философии и литературы (Ролан Барт, Мишель Фуко, Жак Деррида во Франции). В целом это разностороннее направление условно можно назвать этносемиотикой, или семиотикой культуры;

3) лингвосемиотика – ориентируется на изучение естественного языка и сопровождающих его знаковых систем, в том числе и искусственных языков, т.к. они функционируют параллельно с речью (жесты и мимика), компенсируют речь. Представители – Ю.С. Степанов в России, Юлия Кристева во Франции;

4) абстрактная семиотика – разработка логико-математической теории знаковых систем, независимо от материального вопло-

щения этих систем (Р. Карнап в США, Д.С. Бирюков, А.В. Горский, А.А. Зиновьев в России).

Все эти направления существуют в самых тесных контактах друг с другом, и их общие вопросы решаются в рамках одной науки – общей семиотики. Хотя при этом неизбежно различное понимание основных принципов и элементов семиотики.

Необходимо заметить, что и традиционное понимание основных семиотических понятий и сама система этих понятий, принимаемая в отечественной литературе, различаются у разных авторов и несколько отличаются от классической, которая предложена основоположниками этой науки и используется на Западе.

1. Прежде всего различно как число единиц, рассматриваемых разными авторами в качестве знаков, так и их состав. При этом в основе современных типологий знаков используются только знаки, предложенные Ч. Пирсом.

Так, Н.И. Кондаков, В.А. Виноградов различают, вслед за Пирсом, такие виды знаков, как изображения, индексы и символы, причем оба ученых указывают, что в символических знаках связь между означаемым и означающим никак не вытекает ни из их природы, ни из смежности их денотатов в пространстве, а определяется социально (по договоренности).

«Советский энциклопедический словарь» и «Философский словарь» 1986 г. подразделяют знаки на языковые и неязыковые.

За рубежом было обращено внимание на то, что знаки можно классифицировать и на основе тех органов чувств, которыми они воспринимаются. Таким образом, можно различать знаки зрительные, вкусовые, осязательные и органолептические (вкусовые вместе с обонятельными) (по «Энциклопедии семиотики», изданной в Германии).

2. Другую трактовку получили и аспекты рассмотрения знаков. Например, В.И. Кодухов под синтактикой понимает отношение между знаками не только в знаковой ситуации, но и в пределах знаковой системы.

Н.И. Кондаков понимает синтактику как раздел семиотики, изучающий не взаимоотношения знаков, а структуру знаковых систем. «Философский словарь» разделяет эту точку зрения.

Генри Карри понимает под синтактикой изучение структур только символических систем.

3. Дальнейшее развитие в это время получает категория свойств знаков.

Ф. де Соссюр в качестве фундаментальных свойств знака рассматривал его произвольность (немотивированность) и линейность.

Ю.С. Маслов выделяет такие свойства, как противопоставленность знака в системе другим знакам и наличие внутренней структуры различной степени сложности.

Следуя за Ю.С. Степановым, В.И. Кодухов выделяет такие свойства знака, как произвольность, немотивированность. Это положение встречает возражения Б.Н. Головина, который указывает на то, что существуют достаточно хорошо известные типы мотивированных знаков (слов), и, таким образом, немотивированность не является общим свойством знака.

4. Некоторое развитие в эти годы получила и типология знаковых систем. Так, Ю.В. Рождественский предлагал различать три типа знаковых систем:

1) знаковые системы, отражающие модель поведения, – язык, пластика и танец;

2) знаковые системы, отражающие модель мира, – музыка и изобразительные искусства;

3) знаковые системы, отражающие индивидуальные особенности личности, – костюм и татуировки.

Подводя итоги, можно сказать, что вплоть до недавнего времени в общей семиотике выделялись только три основных типа знаков – признаки, сигналы и символы, три аспекта их рассмотрения – семантика, синтактика и прагматика. Вместе с тем чрезвычайно плодотворным являлось введение разграничения естественных (природных) и искусственных знаков и попытки приложения общей теории знаков к различным областям знаний.

§ 6

Семиотические исследования ведутся едва ли не во всех странах. Однако различия в национальных, научных и культурных традициях привели к тому, что в пределах семиотических исследований существуют отчетливо выраженные направления и школы.

Среди семиотических школ выделяются ***тартуско-московская; французская; польская***, опирающаяся на традиции польской логической школы и представленная трудами Томаша Котарбиньского, М.Р. Маеновой, Станислава Жулкевского и др.; ***итальянская*** (У. Эко); ***американская; чешская,*** связанная с традицией Пражского лингвистического кружка и работами Я. Мукаржовского. В основе семиотического механизма, намеченного Соссюром и получившего разработку в трудах европейских семиотических школ, лежит: 1) разграничение синхронного состояния струк-

туры языка и диахронии – изменений структуры языка во времени; 2) разграничение языка и речи (язык – иерархическая система вне времени; речь – реализация языка в знаковой деятельности отдельных текстов, находящихся в определенном пространстве и времени); 3) разграничение в языке оси парадигматики (сходства, подобия форм, но разных по значению) и синтагматики (соединения разнородных элементов на оси высказывания).

В области семиотики одно из ведущих мест занимает тартуско-московская школа (ТМШ). Ее представители: Ю.М. Лотман, В.В. Иванов, В.Н. Топоров, Ю.С. Степанов, Б.А.Успенский и др.

Опираясь на труды А.А. Потебни, М.М. Бахтина, В.С. Выготского, Д.С. Лихачева, Р.О. Якобсона и др. исследователей первой половины XX века, ученые тартуско-московской школы проводят исследования в области поэтики, стиховедения, семиотики культуры (на материале русской, восточной, античной, западноевропейских культур и литератур).

Для начального этапа работы ТМШ было характерно чрезвычайное разнообразие охватываемой тематики, при этом было широко представлено исследование «простых» систем: дорожных знаков, карточных игр, гаданий и т.д. Постепенно, однако, интересы членов школы сместились к «сложным» знаковым системам: мифологии, фольклору, литературе и искусству. Ее характерной чертой было стремление охватить в описании как можно более широкий круг социальных явлений на основе единых принципов семиотического анализа. Речевое поведение, поэтика, теория невербальных искусств, мифология, фольклор, этнография, психология, игры, мода, формы социального этикета, наконец, история и типология культуры как многосоставного семиотического целого – все эти явления, при всей специфике каждого из них, попадали в рамку единой дисциплины в силу их способности функционировать в качестве «моделирующих систем», то есть знаковых кодов, в категориях которых действуют и сознают себя участники семиотического сообщества, приобщенные к знанию соответствующих семиотических языков.

Наиболее распространенным видом семиотических исследований ТМШ в 60 – 70-е гг. XX в. было приложение лингвистических моделей к новым семиотическим объектам (прежде всего к различным видам искусства). Появились и «узаконились» такие понятия, как «язык балета», «язык цирка», «язык кино», а также языки отдельных жанров.

Основной понятийной категорией, используемой в этих исследованиях, был текст. К семиотическому анализу текстов в самом

широком смысле слова относятся, например, исследования основного мифа (Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров), фольклорных и авторских текстов (М.И. Лекомцева, Т.М. Николаева, Т.В. Цивьян и др.). Проблемы реконструкции, дешифровки, теории перевода все больше выдвигаются в центр семиотической культуры.

В конце 70-х гг. XX в. открытия в области функциональной асимметрии больших полушарий головного мозга человека дали новый импульс семиотическим исследованиям, т.к. обнаружили ряд глубоких аналогий между индивидуальным сознанием человека и структурой человеческой культуры.

В исследованиях все большее место занимают проблемы информатики, словесного общения с машиной, искусственного интеллекта.

В это время возник термин «вторичные моделирующие системы». Язык понимался как первичная знаковая система, надстроенные же над ним знаковые системы рассматривались как вторичные. Термин был предложен В.А. Успенским.

Другое направление, связанное с этим понятием, представлено в работах М.Ю. Лотмана. В этом случае речь идет о тексте культуры, а само понятие культуры становится центральным, фактически вытесняя понятие языка.

Культура понимается как знаковая система, по существу являющаяся посредником между человеком и окружающим миром. Она выполняет функцию отбора и структурирования информации о внешнем мире. Соответственно, различные культуры могут по-разному производить такой отбор и структурирование.

В современной российской семиотике преобладает именно эта традиция, однако с активным использованием лингвистических методов. Так, можно говорить о семиотике истории и культуры, основанной на лингвистических принципах (Т.М. Николаева, Ю.С. Степанов, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский и др.).

В то время как ТМШ в своих трудах обращала внимание прежде всего на семиотику культуры, западноевропейская семиотика (прежде всего французская) отличается открытым взаимодействием с философией, психоанализом, литературным творчеством.

Французская семиотика (семиология) 60-х гг. XX в. выработала и новое общее представление о знаковых процессах, приведшее к частичной ревизии теории Соссюра. Так, Эмиль Бенвинист сформулировал разграничение двух способов означивания – семиотических (одиночные знаки, по Соссюру, которые отсылают напрямую к понятию и должны быть опознаны) и семантических (целостные высказывания, смысл их не складывается из отдельных единиц, а должен быть понят).

В 60 – 70-е гг. XX ст. складывается постструктуралистская семиотика (Ролан Барт, Юлия Кристева, Жак Деррида и др.). Для нее характерны концепции открытого, интегрального семиозиса, избавленного от власти социально фиксированных смыслов. Выражением такой свободной семиотической деятельности явилось новое понятие «Текста», лишенного структуры «означающее / означаемое» и обладающего внутренней множественностью и безличностью. Обобщая подобные концепции, с опорой на М.М. Бахтина и его концепцию диалога, Юлия Кристева выдвинула понятие «интертекстуальности», т.е. в принципе неограниченной, непрерывной совокупности (континуума) знаковой деятельности, где разные высказывания, коды, тексты сообщаются между собой даже в отсутствие прямых исторически фиксируемых контактов.

Постструктурализм актуализировал также философские и психоаналитические аспекты семиотической прагматики, поставив вопрос об антропологических структурах смысла, о его связи со становлением человеческого субъекта и объекта. Ролан Барт выступил с концепцией «удовольствие от текста» как семиотического процесса, высвобождающего подавленные эротические импульса читателя.

Жак Деррида противопоставил друг другу два типа коммуникации – «речь» и «письмо» (не обязательно реализуемые в физической форме устных и письменных текстов). Письмо, по Дерриде, характеризуется «отсроченностью» смысла.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какова история развития семиотики?
2. Что было внесено в формирование семиотики в XVI – XVIII веках?
3. Кто является основоположником семиотики? Почему?
4. Какую типологию знаков предложил Ч. Пирс?
5. Что включает знаковая ситуация, по Ч. Пирсу?
6. Расскажите о научных достижениях Ч. Морриса.
7. Каково графическое представление семиозиса у Ч. Пирса и у Ч. Морриса?
8. Что представляет собой семантика?
9. Что представляет собой синтактика?
10. Что представляет собой прагматика?
11. Как рассматривал знак Ф. де Соссюр?
12. Расскажите о направлениях исследований второго потока семиотических идей.

13. Каковы проблемы семиотики в 60 – 70-е гг. XX века?

14. Какие разделы семиотики были выделены Ю.С. Степановым?

15. Что изучает биосемиотика?

16. Что изучает этносемиотика (семиотика культуры)?

17. Что изучает лингвосемиотика?

18. Приведите примеры разной трактовки знаков.

19. Расскажите о деятельности тартуско-московской школы.

20. В чем особенность французской семиотики?

21. Каковы специфические черты постструктуралистской семиотики?

22. Посмотрите отрывок из фильма «В ожидании чуда». Проанализируйте знаки, встречающиеся в фильме.

Возможные аспекты рассмотрения:

- диахроническое восприятие знаков,
- несоответствие первоначального смыслового значения знака его дальнейшему понятийному значению,
- изменение значений знаков (расширение, сужение, варьирование формы и пр.),
- знак и имя,
- «вписывание» знаков в определенные знаковые системы,
- взаимосвязь нескольких знаковых систем,
- ситуации использования знака.

Обязательно учитывайте понятийный аппарат семиотики при проведении анализа.

23. Напишите эссе на основе проведенного анализа (название и структура эссе будет зависеть от выбранного аспекта рассмотрения).

Глава 2. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕЙ СЕМИОТИКИ

1. Семиотические процессы и явления.
2. Типология знаков и знаковых систем. Современная классификация знаков. Классификация знаковых систем по их базисному знаку.
3. Семиозис (знаковая ситуация). Характеристика знаковых ситуаций. Смысловые и знаковые ситуации. Адресант, адресат, целеустановка, референт.

Ключевые слова

Усложнение формы знака, варьирование как формы, так и значения знака, функции знаков, знаковые системы по степени нарастания семиотических свойств, смысловая и знаковая ситуации, статическая и динамическая знаковые ситуации.

Требования к компетентности:

- знать и понимать сущность семиозиса;
- знать закономерности, принципы построения типологии знаков и знаковых систем; уметь использовать эти знания в профессиональной сфере;
- уметь анализировать и проектировать семиотические процессы и явления;
- знать и понимать смысловые и знаковые ситуации;
- уметь выстраивать различные семиотические модели коммуникации.

§ 1

Каждый человек осмысленно употребляет в практической жизни слова «стул», «стакан», «вода». Но если попросить наивного носителя языка предпринять попытку указать существенные признаки соответствующих предметов, то окажется, что эта задача далеко не из простых. Потребуется немало времени, чтобы перечислить существенные признаки названных предметов. Тем не менее на практике коммуниканты правильно используют упомянутые слова, отсылая с их помощью адресата именно к тем предметам, какие имеют в виду адресанты. Услышав фразу «Принеси стакан воды»,

адресат приносит именно стакан именно воды, а не какой-либо другой предмет.

В этих случаях смысловым значением слов являются не понятия, а общие или единичные (образ конкретного предмета) ***представления*** – наглядные, чувственные образы предметов, о которых мы рассуждаем.

Следовательно, отсутствие понятий об окружающих вещах до поры до времени не нарушает общения между людьми. Это общение возможно и на базе чувственных образов представления, ассоциативно связанных со словами.

Итак, ***смысловым значением слов***, образующих язык человека, могут быть и представления и понятия. Смысловое значение слова вместе с его предметным значением составляет ***познавательную компоненту значения слова***. Другой основной ***компонентой*** этого значения является ***экспрессивное значение***.

Сравните следующие высказывания: *Мать обещала зайти сегодня. Мама обещала зайти сегодня. Мамуля обещала зайти сегодня. Мамочка обещала зайти сегодня.* Слова «*мать», «мама»* отсылают слушателя к одному и тому же лицу при посредстве одного и того же смыслового значения. В этом отношении между ними нет никакого различия. Различие касается эмоциональной, экспрессивной стороны значения.

Дело в том, что языковые единицы используются в качестве средств общения живыми организмами (людьми), наделенными определенными чувствами (эмоциями). Эти чувства люди испытывают к обсуждаемым вопросам, к предметам, затрагиваемым в разговоре, к своим собеседникам. Все эти чувства не могут не найти отражения в речи говорящего, причем для выражения чувств применяются самые разнообразные средства: эмоциональные суффиксы (уменьшительно-ласкательные), междометия, громкость звуков, интонация, высота тона и т.д.

Элементы, обозначающие чувства говорящего и необязательные для сообщения чего-либо о познавательном предмете, называются выразительными средствами, а их отношение к чувствам – отношением выражения. ***Выражение*** есть обозначение, которое сообщает не основную информацию об объекте, а дополнительную информацию о чувствах говорящего. Выражение в принципе может и отсутствовать.

В зависимости от характера предметов, к которым отсылают знаки, мы можем говорить о трех ***способах***, или ***модусах***, ***обозначения***: предметном, смысловом и словесном.

Знак, как мы уже выяснили, всегда отсылает к какому-нибудь предмету. В качестве такого предмета выступает некоторый факт действительности, необходимость совершить какое-либо действие, дать ответ на какой-то заданный вопрос.

Повествовательные, побудительные и вопросительные предложения, отсылающие слушателя к факту, к необходимости совершить некоторое действие или сообщить определенную информацию, относятся к ***предметному модусу обозначения***.

Если знак отсылает к предмету опосредованно, через кого-то (мысли другого человека, его мнение, его точка зрения, его влияние), то в данном случае объектом обозначения будут мысли и мнения другого человека. Модус обозначения – ***смысловой***.

Сравните: «*На Земле побывали пришельцы из космоса*» (предметный модус обозначения); «*Журналист Иванов сказал, что на Земле побывали пришельцы из космоса*» (смысловой модус обозначения).

Предложения, передающие чужую речь – косвенную речь, мысли другого человека, смысл того, что им сказано, относятся к смысловому модусу обозначения.

Смысловой модус обозначения занимает несколько особое положение по сравнению с другими модусами. Слова в предметном модусе отсылают к некоторому факту (или действию, ответу на вопрос) посредством смыслового значения. В смысловом модусе отсылка к смыслу слов, сказанных кем-то, к его мысли также происходит с помощью смысловых значений. В словесном же модусе смысловые значения в обычном понимании отсутствуют: слова как таковые отсылают к словам же. В словесном модусе сказанное кем-то воспроизводится буквально: *Чехов сказал: «В человеке все должно быть прекрасно...».*

Проанализируем две ситуации:

1) условный рефлекс собаки на звонок (связь в мозгу между звонком и наличием пищи в ящике).

Что является знаком в данной ситуации? Звонок.

Функция звонка – указать собаке на другой предмет, а не в том, чтобы обратить внимание на самого себя. Звонок не интересует собаку сам по себе. Он выполняет посредствующую функцию, сигнализируя о наличии пищи в определенном месте;

2) один человек говорит другому: «Принеси стакан воды!» Адресат идет к столу, берет стакан, наливает воды, а затем приносит адресанту. Он совершает, таким образом, ряд действий, услышав слова. Действия адресата направлены не на сами слова, а на другой предмет. Слова – не объект действия. Они выступают в качестве средства, указывающего адресату на определенный предмет.

Сравнив функцию звонка в I ситуации и произносимых слов во II, мы видим, что имеется нечто общее, а именно: один предмет указывает на другой предмет, один предмет отсылает к другому предмету некий организм.

Таким образом, обозначать какой-либо предмет есть не что иное, как указывать на этот предмет, отсылать к этому предмету и т. п. На этой основе можно дать следующее определение ***знака*** и ***знаковой ситуации***: чувственно воспринимаемый предмет, указывающий на другой предмет, отсылающий к нему организм, называется ***знаком*** этого предмета, а сами ситуации, в которых один предмет функционирует в качестве знака другого предмета, называются ***знаковыми ситуациями***.

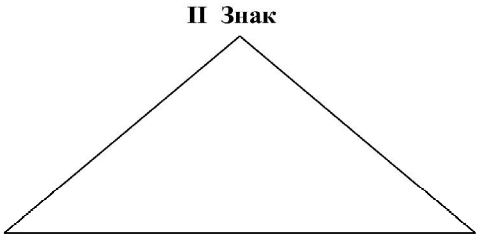
Учитывая вышесказанное, будем говорить, что любой знак обладает предметным значением для определенного организма. Например, тот же звонок как громкий звук может быть выделен собакой, но он ни к чему ее не отсылает, ни на что не указывает, в этом смысле он лишен для собаки предметного значения, т. е. не функционирует в качестве знака чего-то.

Между знаком и предметным значением существует двусторонняя связь. С одной стороны, нет знака без предметного значения. С другой – нет предметного значения без знака как носителя этого значения. Следовательно, предметное значение является необходимым и достаточным признаком знака. Однако предметное значение не исчерпывает той стороны знака, которая называется его значением.

Наличие общего источника для многочисленных знаков разного семиотического наполнения часто привлекало к себе внимание ученых. Одним из первых на это обратил внимание известный немецкий математик и логик Готлоб Фреге (1848 – 1925). В своей статье, которая называлась «Uber Sinn und Bedeutung (О смысле и значении)» он приводил в качестве примера два предложения. В них он, говоря о Венере, употреблял разные выражения: «Венера – утренняя звезда» и «Венера – вечерняя звезда». Ясно, что в обоих предложениях речь идет об одном и том референте, имея в виду его различные ипостаси. Но встает вопрос: а с точки зрения содержания и коннотаций использованных знаков – то ли это самое? Фреге назвал прячущееся за разными знаками общее содержание Sinn (смыслом), а конкретное выражение их в знаковой системе он назвал Bedeutung (по-русски это «значение»).

Как показал в 1892 г. Готтлоб Фреге, кроме предметного значения существует еще и смысловое значение.

В общем случае треугольник Фреге («Строение знака») схематизируется следующим образом:



I – Денотат (предмет, вещь, явление действительности, число);

II – Знак (слово звучащее или записанное, символ, имя);

III – Сигнификат (понятие о предмете, вещи, смысл имени, концепт денотата).

Семиотика может рассматривать треугольник Фреге в любом направлении:

от II к III – знак имеет сигнификат (смысл);

от III к I – знак имеет денотат (предмет);

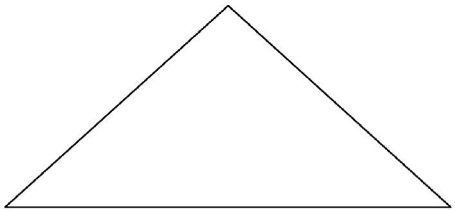
от I к II – денотат имеет знак;

от I к III – денотат имеет сигнификат;

от III к I – сигнификат имеет денотат.

В то же время А. Соломоник представляет взаимоотношения между знаком, обозначаемым предметом и понятийными категориями тоже в виде треугольника, но наполненного иным содержанием:

понятийные категории в мозгу (концептуализации)



По мнению А. Соломоника, знак отражает одновременно и сам референт из любой области науки и практики и то, что отражается в нашем мозгу по поводу данного референта. В знаке мы отображаем что-то иное, чем самый знак, но это иное должно прежде пройти через наши рецепторы, достичь нашего мозга и быть там обработанным по своим законам. Словом, все онтологически и гносеоло-

гически значимое может быть зашифровано (закодировано) в виде знаков. Даже такие компоненты знаковых систем, как их грамматические и логические направляющие, могут быть представлены в виде знаков. Скажем, суффиксы и окончания слов в языковых системах фиксируются в словарях и учебниках для их последующей обработки и изучения. Это тоже «реальность», взятая из существующих знаковых систем. Когда мы включаем фрагмент «реальности» в сферу нашего внимания, нам необходимо представить его в виде знака, и именно его, этот сегмент реальности, мы зашифровываем. Так что отношения «референт – знак» представлены в треугольнике в виде сплошной, а не пунктирной линии. В вершине треугольника стоят «понятийные категории в мозгу». Ученый намеренно не использовал слова «понятия», «концепты» и пр., а написал в скобках расплывчато «концептуализация», потому что реальность отражается в нашем сознании вовсе не только в указанных категориях, связанных исключительно с языковыми кодами. Она отражается там и в виде образов, и в виде письменных или символических знаков. Кроме того, и сами языковые категории могут быть выражены по-разному: понятием, отдельным словом либо целой группой слов. Таким образом, речь идет о любой мыслительной категории, которая получает отражение в знаке разной степени абстрактности. Мы закрепляем эту категорию в виде знака, который ее фиксирует и либо включает в знаковую систему для последующей обработки, либо оставляет в виде отдельного изолированного знака. И опять-таки существуют непосредственные связи между мыслительными категориями и соответствующими знаками, в которых они отражаются. Изменения в одном из трех компонентов взаимодействия ведут к изменениям в остальных двух. Так, шифровка чего-либо в виде знака и, тем более, его обработка в терминах знаковой системы ведут к изменениям в его отражении в мозгу и к изменениям самого изучаемого феномена. Изученное явление не равняется для нас тому же самому явлению до его изучения: оно становится «вещью для нас», оставаясь «вещью в себе», но уже не такой «вещью в себе», как раньше.

Объяснить это трудно воспринимаемое утверждение можно на очень простых примерах. Допустим, у меня в мозгу есть понятие «змея» и соответствующие ему знаки разного семиотического уровня: образ змеи (весьма туманный), слово «змея» по-русски (либо его эквиваленты на других языках) и пр. Услышав, что в нашей местности появились ядовитые змеи, я бросаюсь к справочникам или к специальным книгам о змеях и извлекаю оттуда информацию об этих пресмыкающихся. Я узнаю, какие змеи встречаются в

наших местах, как они выглядят, каковы их повадки и т.д. Отныне мои представления о змеях вообще и о ядовитых змеях в частности конкретизируются и приобретают совсем другой вид, нежели раньше. Так же и знаки, их означающие, приобретают иное содержание и форму. Я уже могу отличить ядовитых змей по виду и принять против них некоторые меры предосторожности. «Змея» как таковая остается для меня, познающего субъекта, вещью в себе, но уже другой вещью в себе, чем раньше. И знаки, ее изображающие, получают для меня иное содержание.

Собаку с выработанным условным рефлексом звонок не просто отсылает к некоему предмету, т. е. обладает для нее предметным значением. Он сигнализирует ей о наличии пищи в строго определенном месте. Благодаря чему становится возможной такая конкретная сигнализация? Почему звонок указывает данной собаке, что пища находится в данном ящике? Почему другую собаку он может отсылать в другое место или даже вообще не иметь для нее сигнального значения?

Очевидно, все дело в прошлом опыте собаки. Если после звонка собака каждый раз находила пищу в строго определенном месте, то последнее обстоятельство фиксируется ее памятью. Факт нахождения пищи в определенном месте оставляет определенный след в памяти собаки, след, связанный со звонком. Именно этот след и воплощает смысловое значение звонка.

Так же и во II ситуации. Слова «Принеси стакан воды» отсылают адресата к определенному предмету. Почему они обладают такой способностью? Почему последняя не свойственна словам, произносимым на незнакомом языке? Знакомые слова пробуждают образы предметов, связанные с этими словами в процессе их усвоения. Незнакомые же слова не находят отклика в сознании человека. Слова отсылают слушателя к определенному предмету благодаря тому, что слушатель понимает их смысловое значение. Без смыслового значения не могла бы осуществиться знаковая функция и слова не имели бы для человека предметного значения.

Таким образом, смысловое значение – след предмета, к которому отсылает знак, след, оставляемый в памяти организма прошлым опытом.

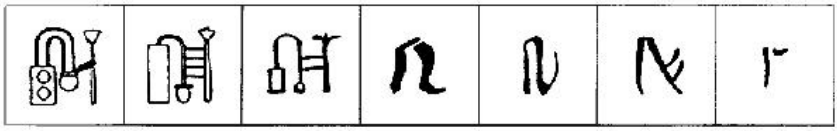
Такое разделение двух видов значения знака возможно лишь условно: в действительности дело обстоит иначе. Нет двух явлений, существующих независимо друг от друга: предметного значения и смыслового значения. Не бывает так, чтобы знак отсылал к предмету сам по себе, вне смыслового значения. Знак отсылает к предмету, т. е. обладает предметным значением, лишь через посредство смыслового значения.

Таким образом, ***знак*** есть предмет, обладающий предметным и смысловым значением для некоторой организованной системы.

В научной литературе рассматриваются следующие функции знаков: контакто-устанавливающая – соприкосновение, соединение, непосредственное общение; активационная – побуждение к действию; интердиктивная – запрет, торможение; инструментальная – средство, способ, применяемые для достижения цели; дестабилизирующая – угрозы, оскорбления; синдикативная – создание группы, коллектива; функция самовыражения – экспрессивность; трансляционная – передача информации с помощью каких-либо средств; координационная – согласование, установление целесообразных отношений между какими-нибудь действиями или явлениями; регулятивная – упорядоченность, налаживание, направление развития.

§ 2

Общеизвестно, что при изобретении систем записи языков люди шли разными путями, причем вектор развития этих систем можно схематически представить как путь от систем меньшей к системам большей степени абстрактности. Сначала возникали схемы, где превалировали нарисованные символы, потом – системы иероглифов, пока люди не пришли, наконец, к наиболее оптимальной форме письма: письму алфавитному. И внутри одной системы письма происходило развитие принятой в ней символики. Так, внутри древнеегипетской иероглифики мы обнаруживаем несколько систем письма – от менее к более абстрактным схемам, так что постепенно система письма менялась кардинально и становилась менее рисуночной и более абстрактной:



1 – иероглиф ~ 1500 лет до н.э.
2 – иероглиф ~ 500 – 100 лет до н.э.
3 – иероглиф (книжный вариант) ~ 1500 лет до н.э.
4 – гиератический ~ 1900 лет до н.э.
5 – гиератический ~ 1300 лет до н.э.
6 – гиератический ~ 200 лет до н.э.
7 – демотический 400 – 100 лет до н.э.

Следует иметь в виду, что внутри древнеегипетской иероглифической системы различают собственно иероглифическое письмо, его гиератический, более поздний «курсивный» вариант и еще более упрощенное для повсеместного обращения демотическое письмо.

Совершенно очевидно, что в иероглифах пытались отразить традиционную фигуру сидящего писца и что дальнейшее развитие знака здесь шло в сторону увеличения степени его абстрактности. Делалось это, однако, постепенно, в рамках уже существовавшей письменной системы, регулировавшей последовательную трансформацию знака в его сочетаемости с другими знаками системы. Тем же образом и в том же направлении изменялись и все другие знаки, как и сама система в целом. В результате энтропия системы уменьшалась, а значит, увеличивалась ее внутренняя стройность (устойчивость). Система становилась структурно все более организованной, а потому более легкой в использовании.

Как можно заметить, природа знака неоднозначна. Знак имеет сложное структурное строение и выполняет различные функции. Но если знаковая система есть материальный посредник между двумя другими материальными системами, то таков же и знак в простейшем случае.

По мнению А. Соломоника, иерархия знаковых систем, основанная на двух признаках деления – тип знаковых систем и их базисный знак – принимает следующий вид:

Кстати, примененный А. Соломоником прием является примером перехода из одной знаковой системы в другую: чтобы пояснить сказанное наглядно, мы перевели слова в схему. Ниже мы будем подробно говорить об этом на более широком фоне.

Что же касается самой схемы, то в ней показана иерархия существующих знаковых систем по мере их развития и окончательного формирования по фило- и онтогенетическому параметрам. Основные характеристики знаковых систем задаются семиотическим содержанием их базисного знака, степенью его абстрактности и его местом в ряду всех других указанных базисных знаков. Естественно, что каждый тип знаковых систем и сам изменялся по мере все большего обращения человечества к знакам с большей степенью абстрактности. Он испытывал давление надстроенных над ним более высоких типов знаковых систем: каждый скачок в этом направлении поднимал новый пласт систем внутри уже освоенного типа. Но и новый уровень систем не мог возникнуть без предыдущего освоения уже существующих схем. Каждый виток повторял в своей конструкции достижения предыдущих этапов и, подпитываясь ими, выстраивал следующие этажи.

Исходя из типологии знаковых систем и тех тенденций в развитии знаковых систем, которые сложились в настоящее время, можно предположить, что знаковые системы в совокупности образуют непрерывный ряд явлений в объективной действительности.

Мы живем в мире ЗНАКОВ. Мы не можем получать информацию вне семиозиса. Следовательно, знаковая система – материальный посредник, служащий обмену информацией между двумя другими материальными системами.

Знаковые системы можно упорядочить по степени ***нарастания семиотических свойств***:

1. Тропизм (растение поворачивается под влиянием солнца): до падения луча солнца изгиб растения был один, после воздействия солнца иной; знак необходим для существования растения (биологически релевантен); означающее знака и означаемое им одно и то же (тождественные друг другу).

2. Физиологическая система связи (распределение капелек жидкости («медовый нектар») на поверхности тела пчелы-матки): знак также биологически релевантен, но означаемое и означающее не тождественны.

3. Этограмма – от лат. *этос* – обычай, нрав, характер (раздувание брюшка у рыбы колючки, вздыбленная шерсть у кошки): знак биологически релевантен; означающее и означаемое не тождественны; знак выделим, выделима и вся система, ее можно смоделировать в обобщенной форме.

4. Паралингвистика (действия, жесты и поза человека: подталкивание – знак удалиться): знак воздействует физически, но биологически нерелевантен (не важен для существования организмов); знак выделим не всегда (например: «Все поведение его выражало неприязнь»); означаемое и означающее не тождественны, но подобны друг другу.

5. Неявный уровень материальной культуры (действия, жесты и позы человека: культовый танец, манера сидеть, этикет прощания. Например, в России при прощании машут рукой от себя вперед, а во Франции – из стороны в сторону): знак и система выделимы не всегда; означаемое и означающее уже не тождественны и не подобны.

6. Неявный уровень языка (эмоциональная интонация, неосознанный отбор слов, неосознанная стилистика речи): означаемое – неявный уровень психики, поэтому знак, как и в предыдущем типе, выражает внутреннее состояние самого говорящего (оно – означаемое); означаемое и означающее не подобны друг другу.

7. Денотативный уровень языка (обычная устная и письменная речь): означаемое знака (слово) есть предмет объективного мира (называемый «денотат»), означающее принадлежит субъекту.

8. Явный уровень культуры (быт, этикет, мораль): означаемое – осознанный, осознаваемый уровень психики; знак абсолютно выделим; означаемое и означающее сближаются: означаемое – общие отношения в системе, а означающее – форма этих отношений.

9. Абстрактная семиотика (символическая (математическая) логика: фонемы, цифры, формулы): означающее и означаемое совпадают.

Абстрактная семиотика – абстрактная теория знаковых систем (любых). Ее предмет – общие отношения между знаковыми системами, правила эквивалентности знаков, правила построения сложных знаков, правила введения новых знаков с помощью уже имеющихся и т. д. Эта теория сама есть знаковая система, семиотика в первом смысле слова.

К примеру, существует формула детерминации: «Если А, то Б», т. е. элемент А непременно требует элемента Б. Наличие же элемента Б ничего не говорит о наличии элемента А. Так, предложный падеж никогда не может быть употреблен без предлога (о друге, об учении), но предлог может быть употреблен и с другими падежами (к другу, пойти в ученики).

Таким образом, современная типология знаков и знаковых систем является многоаспектной и многовариантной, в зависимости от параметров определенной предлагаемой классификации. Научно организованное познание реальности всегда происходит с помощью анализа ее по определенным параметрам, о чем свиде-

тельствует распределение всего накопленного научного знания по соответствующим наукам. В рамках этих наук выбираются и те знаковые системы, которые служат для соответствующего анализа. *Общие свойства знаковых систем должны изучаться и объясняться той отраслью науки, которая называется* ***семиотикой.***

§ 3

На основании характеристики знаковых систем и знаков можно сделать выводы о характере знаковых ситуаций.

Семиозис определяется как некая ситуация, включающая определенный набор компонентов. В основе семиозиса лежит намерение лица А передать лицу Б сообщение. Лицо А называется отправителем сообщения, или ***адресантом***, лицо Б – его получателем, или ***адресатом***. Отправитель выбирает среду (или ***канал связи***), по которой будет передаваться сообщение, и код. ***Код*** – это конкретный язык. Код, в частности, задает соответствие означаемых и означающих, т.е. задает набор знаков. Код должен быть выбран таким образом, чтобы с помощью соответствующих означающих можно было составить требуемое сообщение. Должны также подходить друг к другу среда и означающие кода. Код должен быть известен получателю, а среда и означающие должны быть доступны его восприятию. Под ***референтом*** понимается то, что соответствует слову (языку) на уровне предметной действительности. Таким образом, воспринимая означающие, посланные отправителем, получатель с помощью кода переводит их в означаемые и тем самым принимает сообщение.

Схема знаковой ситуации выглядит следующим образом:

АДРЕСАНТ → КАНАЛ СВЯЗИ → РЕФЕРЕНТ →
СООБЩЕНИЕ → КОД → АДРЕСАТ

Адресант вступает с адресатом по определенному каналу связи по поводу определенного референта, используя определенный код.

Частным случаем семиозиса является речевое общение (или речевой акт), а частным случаем кода – естественный язык. Тогда отправитель называется говорящим, получатель – слушающим, или также адресатом, а знаки – языковыми знаками. Код (и язык в том числе) представляет собой систему, которая включает структуру знаков и правила ее функционирования. Структура, в свою очередь, состоит из самих знаков и отношений между ними (иногда говорят также о правилах комбинирования).

Речевой акт может быть расчленен на следующие части:

а) внешняя часть (звуковые колебания, идущие из уст к ушам) и внутренняя часть, включающая все прочее;

б) психическая часть и часть непсихическая, из коих вторая включает как происходящие в органах речи физиологические явления, так и физические явления вне человека;

в) активная часть и пассивная часть: активно все то, что идет от ассоциирующего центра одного из говорящих к ушам другого, а пассивно все то, что идет от ушей этого последнего к его ассоциирующему центру.

Знаковая ситуация характеризуется наличием следующих элементов:

1) предмета, выполняющего при определенных условиях функцию знака;

2) предмета, к которому знак отсылает;

3) смыслового значения (следа), при помощи которого осуществляется отсылка;

4) организованной системы, отсылаемой к определенному предмету;

5) в некоторых случаях – организованной системой, производящей знаки (человек).

Среди этих элементов, как нетрудно заметить, нет предметного значения.

И это неудивительно: предметное значение является не отдельным элементом семиозиса, а соотносительным свойством одного из ее элементов, появляющимся у него при наличии других элементов, т. е. при возникновении знаковой ситуации.

Каждый из первых 4-х элементов необходим, чтобы ситуация стала знаковой. При отсутствии хотя бы одного из них отсутствует и знаковая ситуация.

Иногда некоторый предмет (например, определенное сочетание звуков), воздействуя на организованную систему (например, человека), не имеет для нее знакового значения. Причины могут быть следующие:

1) организованной системе (человеку) неизвестен смысл воспринимаемых звуков (речь на незнакомом языке);

2) произносимые другим человеком (адресантом) слова не приобретают в данном контексте знаковой функции, хотя смысловое значение присутствует (речь на знакомом адресату языке, но не преследующая целей сообщения чего-либо о действительности: заучивание правил).

Обозначим ситуацию, характеризующуюся наличием смыслового значения, термином «***смысловая ситуация***». Тогда мы можем сформулировать вывод, имеющий первостепенное значение для всей

теории знаков: ***недопустимо отождествлять смысловую ситуацию со знаковой ситуацией.***

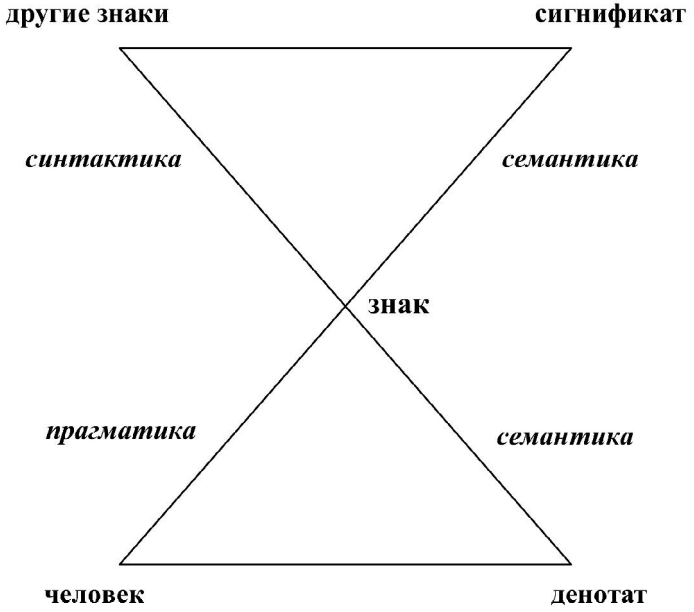
Чтобы предмет функционировал в качестве знака другого предмета для определенной организованной системы (человека), недостаточно наличия у него смыслового значения, он должен обладать еще и предметным значением.

Смешение смысловых ситуаций со знаковыми является одной из самых распространенных ошибок (употребление в «Словаре синонимов» слова ГНАТЬ – смысловая ситуация; ответ адресата на выступление и пр.; «Гнать таких надо! Гнать!» – отсылка к определенному предмету – действию, которое необходимо совершить, – знаковая ситуация).

Знаковая ситуация может быть: статической (как неподвижный факт) и динамической (как процесс).

В динамической ситуации один из элементов может занимать промежуточное положение, быть неоднозначным, сливаться с другим элементом.

Статическую знаковую ситуацию можно представить следующим образом:



Таким образом, можно говорить о закономерности: передача любых знаний возможна посредством знаков и знаковых систем,

которые предстают в качестве материально-идеального воплощения. В них содержится информация, проявляются отношение и оценка предметов и явлений. С помощью знаковой информации можно описать зрительные, слуховые, обонятельные, осязательные, вкусовые и другие особенности предметов и явлений. Спектр знаков широк: начиная от вербальных, письменных, математических, географических и прочих знаков учебных предметов и кончая улыбкой, жестом, интонацией учителя-воспитателя, которые несут чаще всего неосознанную, невербальную часть эмоциональной и рациональной информации. Можно говорить о знаках пола, весны, нетерпения, молчания, согласия, внимания и т.д.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что такое «знак»? Какие возможны интерпретации значения?
2. Какая типология знаков используется в современной семиотике?
3. Как можно классифицировать знаки с учетом разных оснований для классификации?
4. Перечислите свойства знака.
5. Что такое знаковая система? Приведите примеры знаковых систем.
6. Как можно иерархически представить знаковую систему по степени нарастания семиотических свойств?
7. Как могут пополняться знаковые системы?
8. Среди лиц, пользующихся правом льготного проезда в общественном транспорте, фигурируют «военнослужащие в форме». К чему тут оговорка «в форме»? Раскройте знаковую сущность военной униформы: что, кому, зачем она сигнализирует?
9. Что такое знаковая ситуация?
10. Какие два вида знаковых ситуаций можно выделить?
11. Как можно представить знаковую ситуацию структурно?
12. Иногда некоторый предмет (например, определенное сочетание звуков), воздействуя на организованную систему (например, человека), не имеет для нее знакового значения. Каковы причины этого явления? Как можно обозначить ситуацию, характеризующуюся наличием смыслового значения?

Глава 3. НАПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СЕМИОТИКЕ

1. Биосемиотика. Знаковые ситуации и язык животных. Средства коммуникации в мире животных. Неинтенциональный язык животных. Семиотический анализ интенционального языка обезьян и дельфинов.
2. Семиотические проблемы глоттогенеза. Гипотезы происхождения языка человека. Отличия человеческой речи от кодов животных.
3. Основные вопросы лингвосемиотики. Языковые и неязыковые знаки. Виды языковых знаков. Семиотическое и лингвистическое определение языка. Основные типы языков.
4. Семиотические механизмы онтогенеза. Овладение знаками в младенчестве. Семиотическая деятельность дошкольного возраста. Семиотические аспекты школьного и студенческого возраста.
5. Семиотика культуры (этносемиотика). Понятие семиосферы. Проблематика семиосферы. Человек – текст – семиосфера. Параграфемика. Культурно-семиотические ряды. Семиотика концептов.

Ключевые слова

Биосемиотика, неинтенциональные языки животных, интенциональная знаковая коммуникация животных, глоттогенез, социальная сущность человеческой речи, лингвосемиотика, языковой знак, интенциональные и неинтенциональные языковые знаки, основные типы языков, онтогенез, этносемиотика, семиосфера, концепт, параграфемика, культурно-семиотические ряды.

Требования к компетентности:

- знать основные направления в современной семиотике, применять эти знания для эффективной организации учебной и практической деятельности;
- уметь объяснить семиотические проблемы глоттогенеза;
- уметь обосновывать отличия человеческой речи от кодов животных;
- уметь определять языковые и неязыковые знаки, интенциональные и неинтенциональные;
- знать сущность семиотических механизмов онтогенеза и уметь применять эти знания в профессиональной сфере.

§ 1

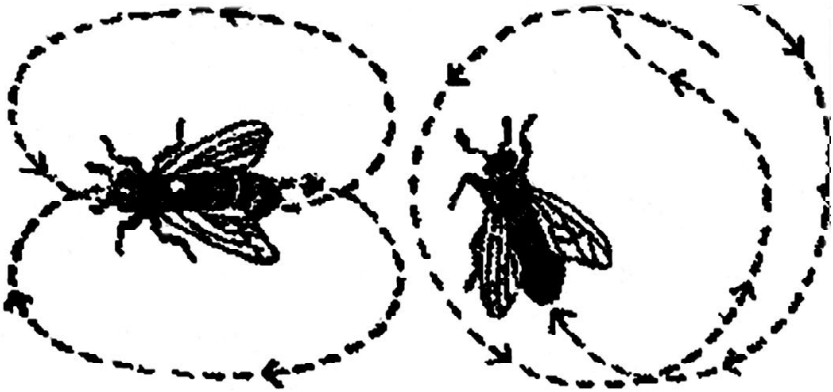
Биосемиотика исследует системы, основанные на знаках, важных для самого существования организма.

Особое место в развитии идей биосемиотики принадлежит немецкому биологу Якобу фон Икскюлю. В своей работе «Внешний и внутренний мир животных» (1909 г.) он обратил внимание, что после распространения дарвинизма ученые начинают в ряду животных видеть только ступени исторического совершенствования животного организма, от простейшего к более сложному; при этом забывают, что сложность организма сама по себе вовсе не является совершенством: самая лучшая лошадь не выполнит в совершенстве функций дождевого червя. Вопрос о степени совершенства живого организма должен, по мнению Икскюля, решаться сравнением «структурного плана организма». Из всего многообразия мира каждое животное выбирает для себя то, что отвечает его собственной организации. Количество и связи выбранных таким образом участков окружающего мира и создают «внешний мир животного». Внешний мир одного вида, одной особи чрезвычайно отличен от внешних миров других видов, и даже других особей. Произведенные этим внешним миром действия в организации животного, в особенности в его нервной системе, согласованные и упорядоченные его структурным планом, образуют в совокупности «внутренний мир животного». Этот ход мыслей привел Я. Икскюля к общей формулировке: биологическая связь между организмом и внешней средой, включая и связь между одним организмом и другими, и есть знаковая система.

Животные находятся в непосредственном контакте с окружающей средой. Они каждый день должны добывать себе пищу, выслеживать добычу, заботиться о том, чтобы уберечь себя от врагов и т.д. Животные не смогли бы выжить, если бы они не были способны в широких пределах приспосабливаться к изменениям окружающей среды, вырабатывая условные рефлексы. Всякий условный рефлекс характеризуется тем, что один раздражитель сигнализирует о другом раздражителе, т.е. один раздражитель является знаком другого.

Например, когда пчела-разведчик обнаруживает новый источник нектара, она возвращается в улей и, если нектар недалеко, совершает круговой танец, посредством которого сообщает своим подругам местоположение нектара. Другие пчелы включаются в этот танец, почувствовав запах нектара на теле пчелы-вестника. Затем они летают вокруг улья и находят цветы, подходящие под сообщение. Если нектар находится на расстоянии более 90 м от улья, то пчела-вестник совершает танец-восьмерку, покачивая брюшком во

время прямолинейного движения на пересечении двух кругов. Танец показывает точное расстояние до нектара и направление к нему относительно солнца.



Неинтенциональные языки животных характеризуются следующими чертами:

- смысловые значения, стоящие за единицами, которые образуют такой язык, не являются ни понятиями, ни представлениями;
- смысловые значения не осознаются, они представляют собой следы в нервной системе, всегда присутствующие лишь на физиологическом уровне;
- язык животных врожденный;
- использование знаков осуществляется только инстинктивно в строго определенных условиях (нарушение условий ведет к нарушению знака);
- коммуникация животных однонаправленная. Диалоги возможны, но редки. Обычно это два самостоятельных монолога, произносимых одновременно;
- в коммуникации животных невозможна информация не о себе. Они не могут рассказать о прошлом или будущем;
- негибкость знаковой системы, ее жесткая регламентированность. В среднем у животных примерно 60 сигналов.

Вопрос о том, используют ли животные ***интенциональные языковые знаки*** и, следовательно, владеют ли они интенциональным языком, весьма сложен.

Дело в том, что так как интенциональные языковые знаки производятся намеренно, то их использование предполагает понимание хотя бы простейших отношений, существующих между вещами, между вещами и организмами, а также между самими организ-

мами. Следовательно, решение вопроса о наличии у животных интенционального языка невозможно без решения другой сложной проблемы: обладают ли животные интеллектом, а если обладают, то в какой степени и какова природа их интеллекта.

В этом отношении интересны исследования интеллекта обезьян, начатые В. Келером и продолженные многими учеными, в том числе И.П. Павловым и его сотрудниками.

Познакомимся с двумя опытами, проведенными при изучении интеллекта обезьян.

1. Перед клеткой кладут пищу на таком расстоянии, чтобы подопытный шимпанзе, находясь в клетке, не мог достать ее руками. В клетке имеется палка достаточной длины. Когда шимпанзе вводят в клетку, он замечает пищу, озирается вокруг, видит палку, подходит к ней, берет и, просунув сквозь прутья, подтягивает пищу.

2. Высоко под потолком клетки подвешивается банан. В клетке разбросаны в беспорядке вещи разных размеров. В это помещение приводят шимпанзе. Увидев высоко над собой банан, шимпанзе как бы оценивает расстояние до него, затем выбирает самый большой ящик, ставит его под бананом. На этот ящик помещается ящик меньших размеров, на последний еще один ящик. Шимпанзе проверяет устойчивость сооружения, затем взбирается на него и достает плод.

Обнаруживает ли такое поведение хотя бы зачатки интеллекта? Безусловно, да.

Что же представляет собой интеллект обезьян? И.П. Павлов пишет, что интеллект антропоида «состоит из ассоциаций». У обезьян, подобно человеку, существует «собственный внутренний мир, состоящий из прежних раздражений и рефлексов». У антропоидов есть конкретное мышление.

Конкретное мышление животных существенно отличается от абстрактного мышления человека. Последнее осуществляется с помощью второй сигнальной системы – слов. Пользуясь внутренней речью, человек способен думать, размышлять о вещах, не воспринимаемых непосредственно органами чувств. Итак, антропоиды обладают лишь зачатками интеллекта, основанного на простейших ассоциациях образов. Поэтому интенциональный язык существует у них, но только в зачаточной форме.

Поскольку обезьяны обнаруживают в своем поведении элементы разума, у исследователей давно появилась мысль научить их словам человеческой речи, однако на этом пути удалось достичь весьма немногого. Речевой аппарат обезьян плохо приспособлен к произнесению звуков человеческой речи. Так, К. Фарнесу потребовалось около шести месяцев ежедневной тренировки, чтобы научить орангутанга говорить «папа».

Если обезьяны с трудом обучаются произносить несколько человеческих слов, то человеческую речь они понимают в гораздо большем объеме. К. Фарнес находил поразительной способность обезьян обучаться пониманию человеческой речи. Это указывает на их способность к осмысленному восприятию звуков. Представления у них налицо.

Если обезьяны общаются друг с другом с помощью звуков сравнительно редко, то язык жестов, мимики, поз занимает в их жизни первостепенное место. Зная это, супруги Беатриса и Алленд Гарднеры научили шимпанзе Уошо языку жестов (около 200 слов американского языка жестов для глухонемых – амслена, более 300 комбинаций из нескольких жестов и слов), причем Уошо научилась даже самостоятельно составлять несложные фразы типа «грязный Джек, дай пить» (обидевшись на служителя зоопарка), «водяная птица, уйди» (о неожиданной гостье – утке).

Рассмотрим также эксперимент Крофорда, изучавшего сотрудничество обезьян. К решетке нужно было подтянуть тяжелый ящик, который одна обезьяна была не в силах сдвинуть. В этой ситуации обезьяны прибегали к просящим и направляющим жестам, которые носили явно интенциональный характер. Например, одна особь берется за свой канат, но не тянет ящик, а смотрит на другую ожидающе, затем подзывает ее своей рукой, приглашая к совместной работе. Если обезьяна не отликается на приглашение, первая переходит к более энергичным действиям: подталкивает соседку, поворачивает ее к канату и ждет от нее сотрудничества.

В последнее время стали много говорить о разумности китообразных. И прежде всего дельфинов. Уже ясно, что у дельфинов с их большим мозгом условные рефлексы вырабатываются гораздо быстрее, чем у обезьян. Известный зоопсихолог Джон Лилли в своей работе «Человек и дельфин» высказал предположение, что китообразные обладают высокоразвитым языком, с помощью которого умеют передавать друг другу довольно сложные сообщения, описывать события и предупреждать о них. Основываясь на этом, ученый полагает, что в конце концов мы, люди, в ближайшие 10 – 20 лет установим контакт с дельфинами, которые будут информировать нас о тайнах океана. Это предположение преждевременно и не подтверждено строгими экспериментами.

§ 2

Филогенез языка – это процесс возникновения и развития человеческого языка вообще.

Глоттогенез (от греч. «глотта» – язык и «генезис» – происхождение) – процесс становления человеческого естественного язы-

ка, отличного от других систем знаков. Проблема глоттогенеза продолжает более общую проблему филогенеза.

В разные периоды развития человеческой культуры, науки люди по-разному объясняли происхождение языка.

Чем же отличается человеческий язык как система знаков от других знаковых систем? Как происходило становление человеческого языка?

Исследования ученых разных областей научного знания (лингвистики, антропологии, палеоневрологии) позволяют предположить, что у предков человека, как и у современного человека в эмбриональном и раннем развитии, раньше формируются зоны правого полушария, отвечающие за семантику жестов и слов звукового языка, потом задние зоны левого полушария, ответственные за словесное называние предметов, позднее всего передние зоны левого полушария, занятые построением сложным синтаксических структур. Очевидно, отвечающая этой последовательности созревания зон мозга последовательность, в которой развивается знаковая деятельность ребенка, в известной мере повторяет и эволюционные стадии в глоттогенезе. Поэтому возможна следующая ***периодизация становления человеческого языка:***

1) период, когда жестовая сигнализация сосуществовала со звуковой (как у антропоидов),

2) период длительной эволюции словесных способов называния предметов посредством последовательностей фонем, тогда как синтаксис раннего звукового языка (в котором из нескольких десятков первичных сигналов образовались позднее составные части слов) оставался еще очень простым (как у гоминидов – семейства приматов),

3) период появления Homo sapiens, язык которого по основным чертам уже не отличается от последующих языков мира.

Теория глоттогенеза разрабатывалась на протяжении XX в. лингвистами А. Тромбетти, Б. Розенкранцем, антропологами В.В. Бунаком, Г.У. Хьюзом, палеоневрологом В.И. Кочетковой.

Особенно интенсивно глоттогенез начали исследовать с конца 70-х гг. XX в., когда ему были посвящены симпозиумы Американской национальной Академии наук (1976) и симпозиум ЮНЕСКО в Париже (1981).

В 1984 г. учреждено Международное общество по исследованию глоттогенеза.

Языковой способностью в психологии и лингвистике считается способность человека к порождению и восприятию речевых произведений. Откуда берется у ребенка такая способность? Передается

ли она по наследству или же становится результатом его психического развития? В современной науке нет еще единого мнения в решении вопроса о характере генетической предрасположенности человека к языку. Наблюдая ребенка, мы сталкиваемся с чудом: за каких-нибудь 3 – 4 года он сам, практически без посторонней помощи овладевает такой сложнейшей коммуникативной системой, как язык. Трудно поверить, что у появившегося на свет младенца нет генетических предпосылок к языковой способности. Подобные соображения приводили многих ученых к гипотезе о врожденных знаниях, которые обеспечивают усвоение языка. Так, знаменитый американский языковед Ноэм Хомский предположил существование в сознании новорожденного глубинных синтаксических структур, облегчающих овладение языковой системой. Традиция в зарубежной психолингвистике, берущая начало от крупнейшего психолога Ж. Пиаже, связывает овладение языком с развитием интеллекта.

Большинство отечественных ученых склоняются к мысли о том, что корни языковой способности лежат не в самом языке, а в отношениях объективной действительности и деятельности человека.

На первый взгляд может показаться, способность речевой деятельности, умение пользоваться языком – биологическое, врожденное свойство человека. Однако это не так. Ошибочно думать, что ребенок овладевает речью так же естественно, как он выучивается есть, пить, бегать и т.п. Собственно биологические свойства человека могут развиться и вне коллектива, а умение говорить в таких условиях не выработается. Вне общества человеку не с кем и незачем говорить.

Науке известны около сорока случаев, когда маленькие дети попадали к разным животным и росли среди них. Чаще всего взращивать детей 2 – 3-летнего возраста удается волкам, которые могут кормить своих человечьих приемышей полупереваренной отрыжкой съеденного мяса. Возвращение найденных «диких детей», «маугли» в человеческое общество, «очеловечение их» – дело исключительно сложное, потому что, как заметил психолингвист А.А. Леонтьев, «специфически человеческие способности и свойства отнюдь не передаются людям в порядке биологического наследования, но формируются у них прижизненно, в процессе усвоения ими культуры, созданной предшествующими поколениями». Так, в январе 1954 года на вокзале одного индийского городка было найдено грязное голодное человеческое существо, которое, вероятно, отстало от волчьей стаи. Оно передвигалось на четвереньках, поэтому на ладонях и ступнях его образовались толстые и твердые мозоли. Левая рука с длинными загнутыми ногтями скорее походила на звериную лапу. Это был мальчик, которого назвали Раму. Врачи госпиталя, в который поместили

мальчика, пришли к выводу, что он действительно вырос среди диких животных. Раму ел только сырое мясо, запах которого чувствовал на большом расстоянии, так как обладал необыкновенно развитым обонянием. Воду лакал по-собачьи. Был очень чувствителен к электрическому свету. При приближении человека издавал злобное гортанное рычание и кусал тех, кто пытался к нему прикоснуться. Однако через три месяца Раму привык к обслуживающему его медицинскому персоналу. Затем у него возник свойственный детям интерес к игрушкам. Мальчик привык к пище, приготавливаемой людьми, начал понимать и выражать присущие человеку чувства. Но до сих пор мышление Раму остается слаборазвитым, и он не может еще воспроизводить членораздельную речь. Ученые продолжают спорить о том, как провел мальчик первые восемь лет своей жизни и как он оказался на вокзале. Этот спор мог бы решить сам Раму, но даже в 16 лет он еще не умел говорить.

Язык – явление не биологическое, а общественное, социальное. Человек овладевает речью в том коллективе, в котором он растет и воспитывается. Способность к членораздельной речи формируется у человека в процессе усвоения им исторически сложившейся системы того или иного конкретного языка.

Социальная сущность языка хорошо видна при сравнении его со звуковой сигнализацией животных. Роман Осипович Якобсон выделял следующие отличия:

1) в отличие от кода животных человеческий язык способен манипулировать абстракциями и фикциями (мы можем говорить о судьбе, о роке, о карме; мы употребляем условное наклонение: хотел бы, если, то и пр.);

2) у животных число различающихся сигналов совпадает с корпусом разных сообщений, у человека число сигналов бесконечно, но число комбинаций сигналов – абсолютно бесконечно;

3) человек использует оценочные утверждения («ах, как хорошо»; «пусть идет дождь»);

4) человеческому языку свойственна иерархия совмещенных функций (во время речевого акта одновременно реализуется несколько функций);

5) язык – это система с «двойным членением», так как только в человеческом языке есть системно организованные двусторонние единицы (слово «стол» и конкретный вид мебели «стол») и односторонние единицы (фонемы, социально значимые фигуры, которые значения не имеют, а выполняют только функцию). Знаки животных невозможно разбить на фонемы, а человеческие знаки дают бесконечное множество фонем и их сочетаний.

Выводы Р.О. Якобсона тесно связаны с теорией И.П. Павлова о первой и второй сигнальных системах.

Впечатления, ощущения и представления от окружающей внешней среды как общеприродной, так и социальной (исключая слово, слышимое и видимое), – «это первая система действительности, общая у нас с животными».

Вторая сигнальная система связана с абстрактным мышлением, образованием общих понятий и словом, т.к. огромное преимущество человека перед животными заключается в возможности иметь общие понятия, которые образовались при помощи слова.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что:

1) язык не природное, не биологическое явление;

2) существование и развитие языка не подчинено законам природы;

3) физические признаки человека (например, расовые) не имеют отношения к языку;

4) социальным языком обладают только люди – это вторая сигнальная система, которой нет у животных.

Однако необходимо отметить и факты другого порядка. Прежде всего мы можем констатировать скорость овладения любым здоровым малышом языком его родителей. Это происходит само по себе без специальных усилий со стороны взрослых. Между тем многочисленные опыты обучения животных языку людей успехом не увенчались.

Важным фактом, свидетельствующим о предрасположенности человека к звуковой коммуникации, является наличие в мозгу специальных зон, которые отвечают за порождение и формирование речи.

Еще одним аргументом, свидетельствующим о существовании наследственных механизмов овладения речью ребенком, можно считать некоторые особенности голосового развития (прежде всего наличие стадии гуления, а также стадии лепета).

В любом случае ясно, что кроме безусловных рефлексов, связанных с жизненно важными функциями (глотание, сосание, хватание и т.д.), ребенок имеет и некую программу овладения языком, «языковой инстинкт».

Теперь мы можем сделать вывод о возможной генетически передаваемой способности к языку: при том, что конкретный национальный язык по наследству не передается, способность к овладению любым национальным языком является врожденной.

§ 3

Во всяком знаке всегда есть 2 стороны:

1) его материальная форма (т.е. сам предмет), в лингвистике это по-разному называется: означающее, экспонент знака (от лат. expōno ‘выставляю напоказ’);

2) значение (т.е. что же предмет обозначает): обозначаемое, содержание знака.

Зеленый флажок или зеленый цвет светофора (экспонент знака) означает «путь свободен» (содержание); рисунок черепа и скрещенных костей на трансформационных будках означает «опасно», «смертельно опасно». Книга, оставленная на скамейке в парке, может быть и как отсутствие знака (кто-то случайно забыл) и как его наличие (специально оставлена для других потенциальных читателей).

Безусловно, одним из сложнейших знаков является языковой знак. Что же такое языковой знак и чем он отличается от неязыкового знака?

Как и всякий знак, ***языковой знак*** является воспринимаемым организмом (или кибернетическим устройством) предметом, имеющим ценность не сам по себе, а лишь как средство отослать организм к другому предмету, указать на него. Отличительным же признаком языкового знака является то, что он производится животным или человеком и служит средством общения. Наоборот, неязыковой знак не производится другими организмами, хотя имеет для них значение знака.

Например, багровый закат, предвещающий солнечную, но ветреную погоду, является неязыковым знаком, потому что это событие не зависит от действий человека и не служит средством общения. Человек этот знак лишь истолковывает.

Языковые знаки можно подразделить на:

1) интенциональные;

2) неинтенциональные.

Интенциональный языковой знак не просто производится как средство общения – человек производит его намеренно, с сознательной целью сообщить нечто другому человеку о действительности («Вчера было холодно.»), получить от другого человека какую-то информацию («Кто пришел?»), побудить его к совершению определенного действия («Сходи в магазин!») и т.д.

Неинтенциональный языковой знак тоже производится организмом и служит средством общения, но делается это ненамеренно, без осознания взаимоотношений, существующих между организмами, без понимания коммуникации. Образцом неинтенциональ-

ных языковых знаков являются, например, знаки, образующие язык муравьев и язык пчел.

Подавляющее большинство языковых знаков, к которым прибегает человек при общении с другими людьми, применяется интенционально, т.е. с пониманием того, что эти знаки произведут определенное действие; или информируют человека – адресата о положении дел в действительности, или заставят его поступить должным образом, или приведут к тому, что он сообщит нужную информацию (повествовательные, побудительные и вопросительные предложения). Адресант сознательно избирает ту форму предложения, которая позволяет достичь намеченного коммуникативного эффекта, воздействовать на адресата в нужном направлении.

Однако у человека встречаются и неинтенциональные языковые знаки. Это стон больного во время приема у дантиста, крик удивления, испуга из-за неожиданного явления, например, появления в нескольких метрах от вас большой, бегущей в вашем направлении собаки. Эти языковые знаки были оставлены ненамеренно, случайно.

Основные черты языкового знака:

1) билатеральность (причем связь экспонента и содержания знака более тесная, чем в других знаках). Материальная форма знака не воспринимается отдельно, она сливается со значением.

А также в естественном языковом знаке проявляется двойная билатеральность:

материальная форма

- фонетическая оболочка (для устной формы),
- графическая оболочка (для письменной формы);

содержание

- лексическое значение,
- грамматическое значение);

2) консервативность (относительная устойчивость языкового знака во времени);

3) изменчивость (тем не менее с течением времени языковой знак способен изменить либо форму, либо содержание);

4) асимметрия языкового знака (впервые этот термин ввел С.О. Карцевский). За одной материальной оболочкой закрепляется несколько значений (омонимия), и наоборот, одно значение могут иметь несколько материальных оболочек (синонимия);

5) обусловленность;

6) конвенциональность.

Знаки не существуют изолированно. Они находятся в определенной связи между собой, т.е. они находятся в системе. Система –

это совокупность взаимосвязанных единиц, выполняющих одинаковую функцию. Взаимосвязь элементов выражается в том, что исчезновение, выпадение одного элемента обязательно отразится на других элементах.

Семиотическое определение языка: язык – это совокупность языковых смысловых единиц, т.е. совокупность предметов, которые обладают смысловым значением и которые производятся самими организованными системами.

Язык является очень сложной системой знаков, имеющей свои особенности.

Отличие естественного языка как особой знаковой системы от других знаковых систем:

1) язык как знаковая система обслуживает человека во всех сферах его жизнедеятельности, это значит, что является универсальной системой;

2) язык как система имеет сложную структуру, знаки, входящие в языковую систему находятся в сложных отношениях друг с другом. Знаки языковой системы не равноправны. Одни из них являются простыми, другие – сложными, состоящими из ряда простых. В составе языковой системы есть свои подсистемы или частные системы;

3) язык как знаковая система складывается и изменяется на протяжении тысячелетий;

4) языком можно описать и сам язык. Все остальные системы знаков как бы опираются на него, «переводятся на язык слов», языковая система не опирается и не может опираться на какой-то другой язык, на другую систему.

Таким образом, язык – совокупность смысловых единиц, связанных между собой определенными смысловыми отношениями.

Любая ли единица языка – знак? Нет. Какие же единицы человеческого языка являются знаками? Конечно, только значащие, двусторонние единицы, прежде всего слово (лексема) и морфема. Высшая языковая единица – предложение – чаще всего есть некая комбинация языковых знаков, создаваемая по определенной модели в процессе порождения высказывания.

Фонемы, будучи единицами односторонними, не являются знаками, но служат строительным материалом для других, более сложных знаков, точнее – для материальной оболочки знаков.

Понятие:

1) мысль, обобщенно отражающая что-либо из онтологической или семиотической реальности. Создание понятий является неотъемлемой частью семиозиса;

2) одна из форм слова, обобщающая в себе множество предметов и явлений того же порядка. Понятие противостоит, с одной стороны, имени собственному, обозначающему один предмет или явление, а с другой, концепту, который выступает не только для обозначения чего-то, но также для организации всех других средств общения внутри определенной науки или деятельности.

Семиотическое поле:

1) совокупность всех референтов, зашифрованных и обрабатываемых в данной знаковой системе;

2) законченный семиотический текст, имеющий начало, внутреннее содержание и завершение, а также внешние границы.

Один язык отличается от другого языка прежде всего материальной формой предметов, входящих в язык. Для обычного языка – это звуковая оболочка: морская сигнализация осуществляется с помощью флажков; у некоторых племен Африки – барабан (тоже звуковая оболочка, но производит ее не голосовой аппарат человека, а ритм и сила ударов по барабану).

Второе различие, более существенное для раскрытия природы того или иного языка, заключается в различии строения языков. Существуют очень простые языки (ЯЗЫКИ 1) – языковые знаки не разложимы на меньшие единицы, обладающие значением (язык дорожного движения: стрелка налево), комбинации этих знаков немногочисленны.

У языков более сложной структуры (ЯЗЫКИ 2) при помощи нескольких простых знаков можно составлять множество различных комбинаций, обладающих значением, однако сами простые знаки значения не имеют.

Существуют также языки сложной структуры (ЯЗЫКИ 3). Например: «В этом месте разрешен поворот налево». Это высказывание обозначает тот же факт, что и стрелка из ЯЗЫКА 1. Однако в отличие от стрелки данный языковой знак разложим на части, обладающие собственным смыслом, т.е. на меньшие языковые знаки.

Основное преимущество ЯЗЫКА 3 заключается в его экономичности. Пользуясь ограниченным числом языковых знаков, можно построить практически бесконечное число высказываний.

Мы знаем, что наш ***естественный язык*** состоит из фонем, морфем, слов и правил соединения как тех, так и других, и третьих. Повседневный язык существовал до того, как был изучен. Лингвист не создает языка, который он изучает.

Логико-математический язык (ЛМЯ) – совокупность символов и соответствующих правил (правил образования, соответствия и истинности и др.). Символы лишены смыслового значения, прису-

щего словам обычного языка: их смысл раскрывается не путем перечисления существенных признаков предметов и не путем воспроизведения соответствующего образа, а сводится целиком к правилам использования символов.

ЛМЯ создается самими учеными.

Естественный язык изменчив, подвижен, сложен структурно.

ЛМЯ чрезвычайно прост, однороден, логичен.

Существуют ***искусственные языки***, не являющиеся логико-математическими, например, международные искусственные языки, создаваемые с целью облегчить общение между людьми, владеющими разными языками; к их числу относится эсперанто, идо. Эти языки занимают промежуточное положение между естественным языком и ЛМЯ.

Эсперанто служит средством общения, как и естественный язык. Однако эсперанто не является результатом исторического развития: он был изобретен польским врачом Л.Л. Заменгофом в конце XIX в. Эсперанто значительно проще естественного языка. Его грамматика состоит из 16 правил, не допускающих исключений; все существительные заканчиваются на О, прилагательные – на А, наречия – на Е.

Но и в таком виде эсперанто все же сложнее ЛМЯ.

Кроме того есть искусственные языки, выполняющие подсобную, вспомогательную роль в повседневной практике и в научных рассуждениях. Это морской язык, химическая символика, нумерация размеров одежды и обуви. Эти вспомогательные искусственные языки существуют в рамках национальных языков, заменяя их там, где членам одной и той же языковой общности затруднительно пользоваться обычным языком. Правда, некоторые знаки вспомогательных искусственных языков (цвета светофора, химические знаки и формулы) могут носить международный характер, но их применение ограничено лишь узкой областью использования.

Таковы ***основные типы языков***, выделяемых семиотикой на основании рассмотрения структуры языковых знаков.

Составляющие языковую систему знаки входят друг с другом в отношения двоякого рода. В каждом языке существуют парадигматические и синтагматические отношения.

Парадигматические (от греч. *парадигма* – ‘образец’) – это отношения взаимозаменяемости, сходства, конкуренции, обусловленности (вертикальная ось существования языковой знаковой системы).

Синтагматические (от греч. *синтагма* – ‘складывание’) – отношения сочетаемости, следования (горизонтальная ось языковой системы).

В магазин завезли *горячий* хлеб (синтагматические отношения)
теплый
свежий
круглый (парадигматические отношения).

Отношения, пронизывающие систему языка, создающие самую ее системность, вскрываются в том или ином виде во всех других семиотических системах как естественных, так и искусственных. Если рассматривать, как языковые отношения проявляются во всех других системах, то это составит предмет общей семиотики. Если же рассматривать эти отношения как абстрактные, независимо от того, в какой материальной семиотической системе они проявляются, но зато в зависимости друг от друга, то есть рассматривать их как «алгебру», то это составит предмет абстрактной семиотики.

§ 4

Речевой ***онтогенез*** – совокупность речевых преобразований, претерпеваемых языковой личностью от рождения до конца жизни (термин «онтогенез» ввел в обиход немецкий биолог Геккель в 1866 г.).

Появившись на свет, младенец испытывает то, что психологи называют ***кризисом новорожденности***. И в самом деле, в одно мгновение изменяются все привычные условия его обитания: из влажной среды ребенок переходит в среду воздушную и т.д. Как же начинают проявляться первые признаки языковой личности? Как начинается путь усвоения системы коммуникации?

Человек рождается с несомненными предпосылками. Весь первый год жизни ребенок старательно преобразует полученные по наследству рефлекторно – двигательные реакции – крик, хватательный рефлекс, поворот головы, направление взгляда и т.д. – в знаковые средства общения. Превращение рефлекса в знак можно проследить на примере младенческих криков.

Итак, физиологические, генетически наследуемые рефлекторные двигательные проявления становятся первыми протознаками, в совокупности образующими то, что известный специалист по детской речи Е.И. Исенина называет протоязыком, т.е. первичную дословесную систему коммуникации. Отметим еще раз, что протоязык имеет невербальную паралингвистическую природу. Он состоит из жестов, мимических движений, манипуляций с предметами и т.д.

Невербальные протознаки составляют основу речевой деятельности ребенка первые 2 года его жизни. С появлением словесного языка они не исчезают вовсе, а уходят вглубь языкового сознания

становящейся личности. Уйдя вовнутрь, протоязык образует базис для формирования особого языка интеллекта, который Н.И. Жинкин называл универсально-предметным кодом. Позже эта система будет совершенствоваться вместе с языком, влияя на процесс порождения и восприятия речи.

Параллельно с формированием и функционированием протоязыка происходит голосовое развитие ребенка.

Стадии голосового развития ребенка.

Стадия крика длится первые два месяца жизни ребенка. С физиологической точки зрения, крик младенца представляет собой оборонительную реакцию на любой физический дискомфорт. Его невозможно разбить на отдельные составляющие компоненты, выделить в нем те или иные звуки. При этом вокализации новорожденного бесконечно вариативны: ни один ребенок не кричит одинаково дважды и нет двух детей, которые кричат похоже. Голосовые связки не принимают участия в порождении крика: производство звука здесь связано с работой дыхательного аппарата, в первую очередь – диафрагмы. При работе диафрагмы голосовая щель или широко открыта, или спазматически сжата.

Стадия крика имеет важное значение для координации дыхательного и голосового аппаратов; она готовит почву для последующего развития интонации голоса, для активизации артикуляционного аппарата.

Стадия гуления и гукания (2 мес. – 4 – 5 мес.). Как и крик, гуление и гукание – это реализация программы голосового развития: они не преполагают обратной связи и характерны даже для глухонемых от рождения детей. Внешне гуление представляет собой фонацию дослогового типа, монотонную вокализацию, напоминающую воркование голубя. Гукание – это короткие звуковые реакции, представляющие собой звукокомплексы типа: *агу, убу, зы, экх, эбм* и т.п. И гуление и гукание развиваются на базе генетических предпосылок, которые связаны с рефлексами дыхания, сосания, глотания.

Основная функция гуления – выражение положительных эмоций. В речевом развитии ребенка гуление и гукание выполняют роль тренировки речевого аппарата.

Параллельно с гулением и гуканием в этот период голосового развития продолжает функционировать крик, который трансформируется в плач и вскрики. Плач становится средством выражения отрицательных эмоций. Вскрики реализуются в ситуациях неожиданных отрицательных контактов с внешним миром: испуг, неожиданная боль.

Стадия лепета (4 – 5 – 20 мес.). Лепет представляет собой слоговые фонации, где чаще всего производятся удвоенные слоги типа ДА – ДА, МА – МА, БА – БА. На ранней стадии лепетного развития ребенок произносит звуки, которые есть в самых разных языках, и даже звуки, которые не свойственны человеческой речи: щелканье, бульканье, фырчание и т.п.

Голосовая эволюция в лепетный период подчинена действию имитационного рефлекса. В этом ее принципиальное отличие от гуления: теперь уже, помимо разминки мускулатуры речевого аппарата, начинает работать и слуховой анализатор. Важнейшая роль здесь принадлежит механизму, называемому эхолалией – бессознательному подражанию звукам слышимой речи ребенком. При этом сначала ребенок в своих вокализациях подражает самому себе. Такое явление носит название аутоэхолалия. Механизм аутоэхолалии реализуется на слоговом уровне: младенец повторяет не звуки и не слова, а слоги. На его основе в вокализациях ребенка появляются всем известные слова: мама, папа, няня, дядя, тетя. Сам ребенок в эти псевдослова не вкладывает никакого смысла. Взрослые позаимствовали эти звуковые оболочки для обозначения близких для малыша родственников. Подобные лексемы есть в разных языках, но могут отличаться по значению. Так, в грузинском языке «дада» – отец, «нана» – мать.

К 6 – 7-месячному возрасту в лепете младенцев уже хорошо представлены фонетические особенности языка, на котором говорят окружающие взрослые. Об этом свидетельствуют опыты американских ученых, записавших на магнитофон лепет детей американцев и китайцев. Запись предлагалась для прослушивания американским и китайским студентам, которые безошибочно узнавали вокализации своих соплеменников.

В развитии лепета слуховой и речедвигательный анализаторы работают во взаимосвязи. Важнейшую роль приобретает слух, который позволяет ребенку воспринимать звучащую речь окружающих и сличать (на бессознательном уровне) с ней собственное звукопроизношение. Очень важно, чтобы родители обращали внимание на состояние органов не только речи, но и слуха именно в этот период жизни их ребенка. Недостатки слуха могут стать причиной необратимых или трудно устранимых дефектов речевого развития.

В возрасте 10 месяцев ребенок все существительные употребляет в Им. п. в ед.ч. Попытки связать два слова в фразу (МАМА, ДАЙ!) появляются позднее – в полтора года. Затем усваивается повелительное наклонение глаголов (ИДИ – ИДИ! ДАЙ – ДАЙ!).

Считается, что, когда появляются формы множественного числа, начинается овладение грамматикой.

Ориентация на слово, попытка оперировать его значением приводит ребенка к потребности выделять и узнавать слова в речевом потоке. Это, в свою очередь, ставит его перед необходимостью овладения фонематическим восприятием, основанным на способности распознавать фонемы.

В основе фонематического восприятия лежит совместная аналитико-синтетическая деятельность слухового и речедвигательного анализаторов речи. Процесс первичного развития у ребенка был прослежен еще в 40-е гг. XX в. Н.Х. Швачкиным, чьи интересные и оригинальные исследования не устарели до сих пор. В опытах ученого приняли участие 18 детей в возрасте около 1 года (на начальной стадии эксперимента). Сам эксперимент длился в течение примерно одного года.

Прежде чем проводить исследование в одном из московских яслей-садов, ученый подобрал пары искусственных односложных слов (квазислов), которые отличались друг от друга одним звуком (фонемой – по ленинградской школе): *тол – тул, бак – мак, дуп – зуп* и т.д.; или наличием и отсутствием фонемы: *зок – ок, бос – ос*. Меняющийся согласный помещался в начале слова – в позиции, которая различается детьми раньше, чем позиция конца слова. После этого Н.Х. Швачкин подобрал огромное количество предметов, которые способны заинтересовать детей: кубики разного цвета, ромбики, пирамидки, конусы, диски и др.

Эксперимент проходил в виде игры (точнее, серии игр). Сначала дети узнавали названия предметов. Скажем, небольшая трапеция получила название «мак», а шарик – «бак». После чего фигурки перемешивались, и детям предлагалось принести поименованный предмет. Выполняя манипуляции с объектами, дети обнаружили разную степень способности к различению имен. Некоторые пары слов они различали раньше других. Продолжительное повторение опытов позволило Н.Х. Швачкину установить последовательность в овладении детьми последовательно системой фонематических противопоставлений, присущих именно русскому языку. Общая схема последовательности развития фонематического восприятия звуков такова: «Сперва возникает различение гласных, затем происходит различение наличия согласных, после этого наступает различение между самими согласными. Согласные различаются в следующей последовательности: различение сонорных и артикулируемых шумных, различение твердых и мягких согласных, различение сонорных и неартикулируемых шумных, различение губных и язычных, различение взрывных и придувных, различение передне- и заднеязычных, различение глухих и звонких со-

гласных, различение шипящих и свистящих, различение плавных и й (йота)».

Раньше всего дети начинают произносить звуки, артикуляция которых соответствует рефлекторным реакциям: дыханию, сосанию, крику. Это гласные А, И, У, Э, О. Наиболее труден Ы.

Согласные, наиболее трудные для произнесения, Ш, Ж, Л, Р.

В процессе формирования фонематического слуха важную роль играет слуховой анализатор. При том, что речедвигательный анализатор тоже оказывает определенное воздействие на порядок овладения фонемами, формирование фонематического слуха идет по пути от грубых слуховых дифференцировок (различий) ко все более тонким. К концу 2-го года жизни фонематический слух у нормально развивающегося ребенка оказывается полностью сформированным. Для овладения же правильным произношением может потребоваться еще несколько лет.

Итак, сначала ребенок овладевает чисто внешней (т.е. звуковой) структурой знака, которая впоследствии, в процессе оперирования знаками, приводит ребенка к правильному функциональному его употреблению.

В целом же говорить о сформированности артикуляционного аппарата можно только при достижении ребенком 6 лет.

Овладение фонетической структурой речи происходит не изолированно: ребенок усваивает не отдельные звуки, он стремится различать в речевом потоке окружающих слова и использовать их в своей активной речи.

Развитие активной речи ребенка несколько запаздывает по сравнению с речью пассивной. Иными словами, дети раньше начинают понимать речь, нежели обретают способность передавать информацию вербально.

Первые слова, которые произносит ребенок, – это псевдослова, возникшие в лепетную стадию голосового развития. Мы уже показывали характер их возникновения и развития.

Кроме слов лепетного происхождения, в словарь ребенка входят звукоизобразительные элементы, которые иногда называют нянькиным языком: *гав-гав* – собака, *би-би* – машина, *ням-ням* – кушать. Слова эти, как показали исследования Д.Н. Шахнаровича, отражают фундаментальное свойство первых наименований – стремление приблизить звуковую форму к обозначаемому предмету или явлению. В слове маленький ребенок ищет буквальное отражение действительности. Поэтому в своих номинациях он неосознанно использует законы фоносемантики (взаимосвязи звука и смысла). Звукоизобразительные слова появляются в речи детей где-

то после года (у девочек, как правило, – раньше, чем у мальчиков). По своей природе эти слова подразделяются на звукоподражания и идеофоны.

Звукоизобразительные элементы помогают ребенку перейти к словам-знакам, форма которых, как правило, со значением не связана напрямую.

Рост активного словаря наблюдается со второго года жизни ребенка. Если годовалые дети располагают 9 словами, полуторагодовалые дети – 39, то к 2 годам словарь ребенка достигает 300 слов. Имена существительные составляют 63 %, глаголы – 23 %, другие части речи – 14 %, союзов нет. Словарь очень быстро расширяется, новые слова появляются каждый день. Уже к 4 годам словарный запас – около 2000 слов.

Статус значения слова заключается в том, что оно находится между мыслью и формой слова.

Психологическая структура значения определяется не столько тем, что означает слово по словарю, сколько тем, какова система соотношения слов в процессе их употребления, в речевой деятельности. Структура значения слова определяется тем окружением, в которое оно попадает в речи, и тем, какое свойство объекта отражает. Поэтому всякий раз, именуя какой-либо предмет или действие, ребенок относит его к определенному классу предметов или действий.

Значения, которые ребенок вкладывает в свои первые лексемы, развиваются одновременно с развитием его мышления. Соотнося слово с предметом или явлением, ребенок поначалу не может выделить существенные признаки обозначаемого понятия. В случае, когда взрослый просит «принести птичку», ребенок приносит и игрушечную птичку, и фарфоровый шарик с выступом, напоминающим носик птички. Слово «гав-гав» сначала относится к конкретной собаке, потом ко всей пушистой живности (собакам, кошкам, хомякам).

Действия с предметами способствуют формированию в сознании ребенка обобщающей функции слова. От конкретно-действенного ребенок переходит к конкретно-образному мышлению. Вместе с этим постигает обобщающее значение разных предметов.

Однако ребенок с трудом определяет слова с абстрактным компонентом типа *животное, мебель, работа*. Несмотря на прогресс в языковом развитии, слово для трехлетнего ребенка продолжает оставаться конкретным: «Завод – это где труба», «завод – это место, где работает папа».

Особо нужно сказать об овладении ребенком переносным значением слов. До 3 лет, а зачастую и довольно долго после этого,

основой мышления ребенка выступает наглядно-действенное мышление. Поэтому ребенок не способен понять даже стертые метафоры, которые употребляют взрослые.

– Почему говорят, что дождь идет? У него что, ножки есть?

– А как это, утро наступило? На кого?

Еще больше недоумений вызывают даже у дошкольников яркие метафоры. Как пишет специалист по детской речи Н.М. Юрьева, в речи дошкольников можно заметить «детский бунт против употребления метафорических значений, который уходит корнями в явление взаимосвязи и неотделимости мышления от практического действия».

Шептались березки – «У них ротика нет, они только раскачивались».

«Чужой» признак выявляется, но оценивается как ненужный, несовместимый с обозначаемым предметом.

Те же особенности мышления ребенка не дают ему адекватно понимать фразеологические обороты русского языка. Слыша их в речи взрослых, ребенок либо попытается толковать их буквально («Зачем валять дурака, он же грязный будет?»), либо попытается заменить непонятные слова понятными (вместо «вверх тормашками» – «вверх кармашками»).

Одним из признаков умственной отсталости является как раз невладение значениями слов и идиоматических выражений, значениями пословиц и поговорок. Этот же признак характерен и для некоторых форм временной поврежденности второй сигнальной системы (некоторых видов афазий).

Речевое развитие после первого года жизни представляет собой процесс осознания языковой личностью определенного языка как многоуровневой системы. Кроме фонетики и словаря, интенсивно формируется грамматический строй детской речи. Стремясь передать какую-либо информацию, ребенок овладевает законами соединения слов в высказывания. Ребенок не просто подражает речи взрослых, а выстраивает свою фразу на основе общих правил. Грамматика каждого конкретного ребенка отличается по тем принципам, которые кладутся в основу системы. Однако есть общие закономерности образования морфологических категорий в детской речи.

Первая практическая грамматика, которой руководствуется малыш, очень проста. В качестве примера приведем небольшой рассказ двухлетнего мальчика, записанный Стеллой Наумовной Цейтлин: «Ае апам... ае пачет, пачет... ае теи... ае кеи... ае пакать неа... ае исе апам неа». В переводе на «взрослый язык»: «Телефон упал. Телефон плачет, плачет. На телефоне образовалась трещина.

Телефон заклеили. Телефон больше не плачет. Телефон больше не падает».

Первая система высказываний строится у ребенка по принципу аморфных языков, когда слова, составляющие предложения, грамматически не связаны друг с другом. Фактически каждое слово имеет одну грамматическую неизменяемую форму («Дядя топ-топ нет»). Довольно часто это идеофоны или звукоподражания. По мере развития синтаксического строя и одновременно с ним начинает формироваться морфологическая парадигма, т.е. система форм слова, соотносящаяся к одной лексеме, детского языка.

Как же ребенок приступает к созданию этой сложной морфологической системы?

Отечественный лингвист А.Н. Гвоздев выявил следующую последовательность усвоения ребенком грамматических форм русского языка: число существительных – уменьшительная форма существительных – категория повелительности – падежи – категория времени – лицо глагола. Здесь очевиден путь от менее абстрактных, конкретных форм к более абстрактным, от простого выражения к сложному.

Овладение морфологическими элементами языка происходит так: сначала появляется «биби», потом «бибика» благодаря тому, что ребенок выделяет суффикс –к- а из разных слов (ложка, шапка, тарелка) и присоединяет его к своим квазисловам. Причем «биби» – это и *машина, и ехать, и уйди, не мешай*. А «бибика» – это только *машина*.

Таким образом, становление морфологической парадигмы протекает у детей по принципу сверхгенерализации, широко распространенного в детской речи явления, которое заключается в расширении сферы использования языковой единицы.

Создавая «свою» грамматику, ребенок стремится к универсальности. Исключения из правил им категорически отбрасываются.

Важно, что по мере развития ребенок обнаруживает нормативное чувство правила: он научается определять, является ли высказывание правильным относительно некоторого языкового стандарта. То, что лингвисты называют «чувством грамматичности», связано с таким явлением, как самокоррекция: «В реке было много рыбов – рыбей – много рыбы».

Устойчивость и сформированность правила может быть проверена экспериментально, если заставить ребенка применить это правило к заведомо незнакомому языковому материалу.

Американский лингвист Джин Берко показывала детям картинки с изображениями фантастических животных, которым присваивала

как названия несуществующие слова. Например, ребенку показывали картинку и говорили: «Вот этот зверь называется *вук* (vuke)».

Затем показывали картинку с изображением нескольких таких зверей и спрашивали: «А это кто?», если ребенок отвечал: «Это вуки» или «Это три больших вука», значит, он овладел способом выражения множественного числа (а не заучил множество готовых слов в форме множественного числа).

Формирование детской морфологии протекает одновременно со становлением синтаксического строя речи ребенка.

Американский психолог Сьюзен Эрвин-Трипп писала: «Чтобы стать носителем языка, нужно выучить правила. То есть нужно научиться вести себя так, будто ты знаешь эти правила». Ребенок быстро приспосабливается к правилам взрослых носителей языка.

Соотнося свои высказывания с действительностью, взрослые используют развернутые высказывания, в которых обычно присутствует расчлененное выражение субъекта действия, само действие, объект действия. В речи ребенка все эти элементы поначалу сливаются в одно слово. Детские однословные высказывания получили название ***голофраз***. Первые фразы ребенка обусловлены аффективным характером его мышления. Голофразы не столько передают какую-либо информацию, сколько выражают эмоциональное состояние в связи с данной ситуацией. В зависимости от ситуации одно и то же слово может передавать разный смысл. Например, предложение, состоящее из слова «МАМА», может содержать призыв к общению, просьбу взять на руки, радость при виде мамы, просьбу что-либо сделать и т.д.

Грамматические значения однословных предложений развиваются одновременно с развитием мышления малыша. Однословные предложения, передающие эмоциональное состояние, совершенствуются: в них появляется разграничение в обозначении предмета и действия. В речи годовалого ребенка появляется и обозначение факта наличия какого-либо объекта (мама, ляля, папа), и фиксация каких-либо процессов, действий (*бух* – упало, *к-хх* – спит, *ввв* – движение машины). Немного позже ребенок открывает наличие у предмета признаков, обозначение которых также становится содержанием голофраз: туфли мамины – «мама», туфли ребенка – «САША», «МАША» и т.п.

Переход от однословных предложений к двусловным в речевом становлении происходит постепенно. Промежуточной формой здесь выступают высказывания, которые содержат комбинацию «слово + жест». В таком случае объект с жестом образуют в высказывании ***тему***, известное, данное, а само слово или квазислово – ***рему***, т.е.

новое. Высказывание может быть таким: «жест на объект» + «яб» (*это яблоко*), или таким «жест дотягивания» + «яб» (*дай яблоко мне*).

Затем, где-то к 1,5 годам у ребенка появляются двусложные высказывания: «Кукла тут», «Еще читать». В них большую роль играют невербальные компоненты, без которых порой нельзя понять, что хочет ребенок. Причем ребенок не просто соединяет слова в предложения случайным способом.

Первыми логико-грамматическими отношениями, которые оформляются в двусложных предложениях детей обычно становятся отношения «действие – объект, на который направлено действие» («Хочу кис-кис», «Дай лялю»). Число двусложных предложений растет лавинообразно: от 1,5 года до 2 лет – 14, 24, 54, 89, 350, 1400, 2500 (по данным Н.И.Лепской).

Двусоставные предложения используются в следующих функциях:

- для называния места («Деда там»);
- для просьбы («Дай часы»);
- для описания событий («Папа бай-бай»);
- для отрицания («Не мокро»).

После двух лет ребенок овладевает способами оформления в речи субъектных отношений («Мама играла»), которые подталкивают его к использованию в речи трехчленных конструкций («Катя рисовать танк»). По мнению Н.И. Лепской, «к началу третьего года жизни мы можем обнаружить в языке ребенка всю систему значений, передающихся в русском языке падежными формами: субъектные, объектные, обстоятельственные, определительные. Однако из-за отсутствия предлогов и смешения окончаний способы их передачи остаются весьма несовершенными».

После того, как ребенок овладеет 3-членным предложением, он довольно быстро начинает использовать и предложения с 4, 5 и больше словами.

После двух лет у детей наблюдаются первые попытки передать информацию о нескольких ситуациях («Папа пришел и будем читать»). Причем, сначала ребенок усваивает соположения (сочинительные), а позже – подчинительные отношения.

Развитие мышления дошкольника приводит к пониманию различных отношений между ситуациями, фактами и явлениями реальности: сопоставление и противопоставление, временные, пространственные, причинно – следственные и др. («Давай играть там, где песочек»; «Нога болит, вчера с велосипеда упал»).

Уже к 5 – 6-летнему возрасту ребенок усваивает практически всю грамматику родного языка в его элементарных формах и гово-

рит в основном правильно. Однако такие конструкции, как причастные, деепричастные обороты, сложное синтаксическое целое представляют для него трудность даже в младшем школьном возрасте.

Необходимо указать, что развитие синтаксиса связано с включенностью ребенка в общение со взрослыми. Именно это и стимулирует развитие речи.

К 6-летнему возрасту ребенок овладевает родным языком в его основных структурных особенностях. Завершение стадии самонаучения языку совпадает у ребенка с важнейшей вехой в его биографии – с приходом в школу. Это событие меняет его жизнь коренным образом. Центральным видом деятельности теперь у него становится деятельность учебная. Речь, вербально-логический вид научения, постепенно становится у него основным способом постижения мира. И в этом процессе главным механизмом познания становится язык.

Главное, что дает ребенку язык, – возможность порождать и понимать многообразные речевые произведения. Говоря словами Н.И. Жинкина, он «выходит в открытый текст, как космонавт в космос». Своеобразие же строения текстов (дискурсов), которые продуцирует человек, позволяет судить об индивидуальных особенностях его языковой личности, о своеобразии его вербального мышления и т.д. Иными словами, структура дискурса является отражением (и выражением) особенностей языковой личности, и совершенствование речевой деятельности по производству текстов будет отражать эволюцию его коммуникативной компетенции.

Впервые с необходимостью создавать тексты ребенок сталкивается еще в дошкольном возрасте: уже в 3 – 4 года он начинает соединять предложения в небольшие речевые произведения. Однако дискурсы детей этого возраста связными текстами могут быть названы с достаточной долей условности: речь дошкольника изобилует невербальными компонентами и идеофонами, указательными и личными местоимениями, наречиями (*тут, здесь, там*); предложения, из которых состоит сообщение дошкольника, связаны с изображаемой в речи ситуацией, а не с предшествующим контекстом и т.п. Даже первоклассники еще не владеют законами построения связных речевых произведений.

Развитие языковой структуры ребенка продолжается и после завершения стадии самонаучения языку. Однако теперь этот процесс протекает гораздо более медленно; он имеет характер совершенствования, шлифовки уже приобретенных языковых знаний. Овладение родным языком у школьника проходит под знаком дискурса. Это проявляется на всех уровнях языковой структуры. Со-

вершенствование фонетики теперь носит характер усвоения тонкостей интонационного оформления целого речевого сообщения, передачи различных смысловых оттенков, интонационных выделений чужого слова и т.п. Становление грамматики опять-таки предстает как овладение грамматикой текста – грамматическими способами соединения предложений в сверхфразовые единства и целостные речевые произведения.

В школьном возрасте продолжается развитие лексико-семантической системы языка ребенка. Это находит выражение не только в увеличении объема словаря, но и в качественном совершенствовании его системы. Характеризуя формирование лексической системы школьника, прежде всего нужно указать на процесс продолжающегося развития в его речи обобщающей функции слова. На уроках ребенок сталкивается с элементами научной терминологии, абстрактной лексикой, не связанной напрямую с конкретными предметами. Развитие дискурсивного мышления, овладение вербально-логическими операциями вывода нового знания побуждают школьника к оперированию системой понятий, в которой конкретная лексика воспринимается в иерархических отношениях.

В школьном возрасте ребенок продолжает усваивать метафорическое и идиоматическое богатство родного языка: в активное словоупотребление школьников входит все большее количество фразеологизмов, ярких метафор, образных выражений. Вместе с расширением социального опыта становящейся личности происходит формирование ассоциативных связей в ее языковом сознании, которые, с одной стороны, все больше отражают национальную картину мира, а с другой – обретают характер индивидуального тезауруса.

После завершения самонаучения языку принципиально меняется и характер детского словотворчества. Изобретение новых слов теперь приобретает характер осознанного принципа стилевого украшения речи. От бессознательного словотворчества школьник переходит к языковой игре.

Овладение структурой дискурса, многообразными способами его построения, проходит в непосредственной связи с развитием мышления и расширением социального кругозора школьника. В школе ребенок от образных форм мышления переходит к мышлению речевому, высшим проявлением которого становится мышление дискурсивное (или дискурсное). Главным стимулом и показателем становления языковой личности теперь является умение школьника создавать целостные речевые произведения.

Становление дискурсивного мышления становится центральным содержанием эволюции коммуникативной компетенции. При

этом, если первые 6 лет развития языковой личности протекают как процесс самонаучения языку, то после его завершения речемыслительное развитие человека должно проходить в условиях специального обучения в школе. Одной из важных составляющих такого обучения становится овладение личностью грамотой.

Формирование письменной речи у детей включает в себя усвоение навыков письма и чтения. Очень важно понимать, что овладение грамотой воздействует на формирование языковой личности в целом. Это не просто приобретение нового речевого умения; это своего рода переворот в способах формирования и восприятия речи. По мнению психологов, в языковом сознании грамотного человека существуют два стандарта, своего рода две языковые системы – устная (звуковая) и письменная (буквенная). Письменный язык представлен тремя системами знаков (прописные, строчные, печатные), которые во многих случаях графически отличаются друг от друга. Овладевая грамотой, ребенок должен освоить набор правил перехода от одной системы символов к другой (от звукового языка к письменному языку), именуемых правописанием.

Русское правописание базируется на нескольких основных принципах: фонетическом, морфологическом (фонематическом) и традиционном (историческом).

Письменная речь как разновидность речевой деятельности резко отличается от речи устной рядом психологических особенностей. Прежде всего это речь в отсутствии собеседника. Передаваемый текст должен содержать всю информацию, необходимую читающему для полноценного понимания смысла. Весь процесс контроля над письменной речью остается в пределах деятельности самого пишущего, без коррекции со стороны слушателя. Письменный дискурс строится таким образом, что говорящий не имеет почти никаких дополнительных невербальных средств выражения. Здесь нет знания ситуации общения с адресатом, нет визуального контакта, дающего возможность использования мимики, жестикуляции, интонации, пауз. Вся информация, выражаемая в письменной речи, должна опираться главным образом на достаточно полное использование развернутых грамматических средств языка. Во-первых, это процессы фонематического уровня, содержание которых составляет поиск соответствия между звуком и буквой, кодирование звука в буквы, составление из букв слов. Во-вторых, это операции по подбору слов (лексический уровень), поиск подходящих выражений и т.п. Наконец, это осознанное обращение к грамматике – выбор грамматических форм, адекватных задачам соединения слов в синтаксические конструкции. При этом операции по

построению фразы, которые в ситуации устной речи говорящий проделывал автоматически, при создании письменных текстов требуют осознания правил морфологии и синтаксиса.

Если устная речь формируется у ребенка в процессе естественного общения со взрослыми, то письменная – появляется в результате специального обучения, в котором сначала усваиваются технические средства написания букв и слов, которые потом (значительно позднее) становятся средством выражения мыслей. Нужно еще раз подчеркнуть то, что письменная речь (в отличие от устной) изначально является сознательным действием, в котором средства выражения выступают основным предметом деятельности.

Очень важной особенностью письменной речи становится возможность коррекции, редактирования созданного текста. Возможность уточнения, отработки формального оформления мысли в текст, повышенная степень осознанности совершаемых речевых действий – все это делает письменную речь мощным фактором развития дискурсивного мышления. Важно понимать, что вместе с овладением навыками работы с письменными и печатными текстами происходит перестройка всего языкового сознания человека: от навыков ситуативной, помимовольной (бессознательной) коммуникации он переходит к усвоению операций осознанной внеситуативной речевой деятельности, основанной на текстовом (дискурсивном) мышлении.

Разумеется, знание правил правописания необходимо для культурного человека. Но отождествление знания русского языка и знания правил орфографии способно нанести вред развивающейся личности.

После завершения стадии самонаучения языку как системе языковая личность в рамках дискурсивного поведения способна на речевые действия, опирающиеся на деятельность в рамках конкретной ситуации. Без опоры на наглядно созерцаемые или воображаемые факты или явления 6 – 7-летний ребенок еще не в состоянии строить речевые произведения, содержащие текстовые смыслы. Дискурсивное мышление в этом возрасте ограничивается вербальным моделированием одноактных действий на уровне одного – двух предложений. К завершению младшего школьного возраста ребенок обретает способность к важнейшим латентным (скрытым) операциям по сворачиванию и разворачиванию информации, которые составят основу его внутренней речи. Способность к внутреннему планированию речевой деятельности позволяет подростку в построении дискурса оторваться от конкретной ситуации и строить целостные связные речевые произведения, несущие в себе сложные, иерархически организованные текстовые смыслы. Однако переход внешней речевой деятельности во внутриречевую у младших

подростков еще не завершен: им еще не доступны сложные семантические построения на глубинном смыслообразующем уровне порождения и понимания высказывания. Дискурсивное поведение школьников среднего звена, несмотря на автоматизированность процессов создания текстов, еще не всегда осмысленно; речь и мышление в процессе построения текстов еще не сливаются полностью. Такое соединение при нормальном развитии языковой личности наблюдается лишь к окончанию школьного детства. Именно в этом возрасте школьник обретает способность к построению сложных вербально-логических операций во внутренней речи. Это связано с еще более глубоким процессом перехода внешнеречевой деятельности во внутреннюю (на стадии формирования замысла).

Таким образом, обобщенно можно представить путь развития дискурсивного мышления человека как процесс, сопровождающий социально-интеллектуальное становление личности, в котором в ходе превращения внешнеречевых форм во внутриречевые наблюдается все большее сближение текстовых способов моделирования действительности и глубинных когнитивно-мыслительных процессов.

§ 5

Этносемиотика занимается исследованиями культурных сообществ.

Семиосфера – сфера знаковой деятельности вообще. Она включает в себя весь комплекс знаковых систем (вербальных, жестовых, иконических, образных, формализованных) и культурных текстов, произведенных с их помощью в рамках данной культуры, а также специфические процессы, реализуемые индивидами и коллективами в процессе знаковой деятельности. Характеристика семиосферы подразумевает рассмотрение языков культуры в соответствии с принципами и нормами, принятыми в семиотике: т.е. комплексный анализ их синтактики, семантики и прагматики. Изучение семиосферы, осуществляемое как синхронически, так и диахронически, позволяет выявить фундаментальные антропологические характеристики, обеспечивающие кумуляцию (накопление) и трансляцию (передачу) культурного опыта, способствует решению проблем соотношения универсального и специфичного, униформного и многообразного в культуре, а также делает возможным кросскультурный анализ семиотики культур.

Семиотический опыт должен предшествовать любому семиотическому акту. Невозможна знаковая ситуация без знаковости,

невозможно любое коммуникативное общение адресанта и адресата без включения в семиотическое пространство.

Внутреннее пространство семиосферы парадоксальным образом одновременно и неравномерно, асимметрично, и едино, однородно. Оно обладает и коллективностью (присуще нациям, народностям), и индивидуальностью (как я вижу, принимаю или отвергаю данную семиосферу).

Одним из основных механизмов семиотической индивидуальности является граница (черта, на которой кончается принимаемая форма). Пространство со своей стороны границы определяется как «наше», «свое». Ему противостоит «их – пространство», «чужое». Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (СВОЕ) пространство и внешнее (ИХ). Как это разбиение интерпретируется – зависит от культуры.

Вот, к примеру, как описывал в VIII веке христианин-франк нравы язычников-саксов: «*Свирепые по своей натуре, приверженные бесовскому культу, враги нашей религии, не уважают они ни человеческих, ни божьих правил, считают дозволенным недозволенное».*

Как видим, противопоставление культур явное (свое – культурное, приемлемое, правильное; чужое – враждебное, неправильное, хаотическое).

Несомненно, с точки зрения семиотики культуры предметом изучения являются ЧЕЛОВЕК, ТЕКСТ, СЕМИОСФЕРА, организованные в триаду: человек – текст – семиосфера.

В семиотике культуры существенной трансформации подверглось понятие текста. Первоначальные понятия текста, подчеркивающие его единую сигнальную систему, или нерасчленимое единство его функций в некоем культурном контексте, подразумевали, что текст есть высказывание на каком – либо одном языке. Однако любое сообщение, как минимум относится к двум языкам: ЗАКОН принадлежит естественному и юридическому языкам. РАДОСТЬ может передаваться улыбкой, подпрыгиванием на месте, хлопанием в ладоши. СТРАСТЬ можно изобразить танцем фламенко.

Таким образом, как показали французские семиологи, текст представляет собой многогранное произведение со сложной социально-коммуникативной функцией.

Социально-коммуникативную функцию текста можно свести к следующим процессам:

1) общение между адресантом и адресатом. Текст выполняет функцию сообщения, направленного от носителя информации к аудитории;

2) общение между аудиторией и культурной традицией. Текст выполняет функцию коллективной культурной памяти, где заложена актуализированная информация для носителей определенной культурной традиции, информация, которая может пополняться и также и утрачиваться, забываться;

3) общение адресата с самим собой. Текст актуализирует определенные стороны личности самого адресата. В ходе такого общения адресата с самим собой текст выступает в роли медиатора, помогающего перестройке личности адресата, изменению ее структурной самоориентации и степени ее связи с культурой;

4) общение адресата с текстом. Текст перестает быть лишь посредником в акте коммуникации, он становится равноправным собеседником, обладающим высокой степенью автономности;

5) общение между текстом и культурным контекстом. Текст становится значительнее своего содержания и приобретает черты модели культуры (прецедентные тексты). Под прецедентным текстом понимается всякое крупное явление данной национальной культуры, которое известно абсолютному большинству ее носителей, и отсылки к которому частотны в речи носителей, легко дешифруются адресатом речи. В число прецедентных текстов входят литературные произведения, произведения других искусств (музыки, скульптуры, архитектуры), а также заметные события текущей общественно-политической и культурной жизни.

В свете сказанного текст предстает не как реализация сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности.

В связи с этим новым, расширенным пониманием текста, возникла новая дисциплина – ***параграфемика*** (или семиотика текста). Задачи параграфемики – изучить и описать не только вербальные знаки текста, но и параграфемы, т.е. невербальные знаки; охарактеризовать их роль, место и функции в тексте, а также способы представления и оформления текста.

Параграфические средства выступают в тексте в двух формах: как отдельные самостоятельные знаки, внешне обособленные от вербальных (таблицы, рисунки), и как способы изображения и расположения буквенных (словесных) знаков и их сочетаний «Где отступается Любовь, Там подступает Смерть-садовница»[1] – носители имен-символов пишутся с большой буквы, написание слов с боль-

[1] М. Цветаева «Две песни»

шой буквы в каждой новой строке поэтического текста – стихотворения М. Цветаевой «Две песни»). Основное назначение параграфем сводится к развертыванию всех возможных способов выражения внутреннего содержания текста, к экспрессивности и мотивированности этого содержания, к оптимальному выявлению его сторон, свойств, оттенков, нюансов.

Конкретное содержание, связанное с его восприятием непосредственно через органы чувств (преимущественно зрением), реализуется в тексте фотографиями, рисунками, чертежами, а при устном сообщении – звукоподражательными и звукоизобразительными словами.

По мере абстрагирования содержания текста, погружения в глубины мышления усложняются и параграфические средства (схемы, формулы, цифры, символы и т.д.).

Самым органичным параграфическим компонентом письменных текстов, практически не употребляемым вне их или без сопровождения слов, являются знаки препинания, а также в значительной мере и цифры. Наиболее распространенными параграфическими средствами, рассчитанными на массовое восприятие, служат фотографии, рисунки и различные способы написания букв.

Отличительным свойством подавляющего большинства параграфем является их интернациональный характер, равноправная принадлежность к текстам на разных языках, отсутствие необходимости их перевода с одного языка на другой при переводе сопровождающего вербального текста.

Параграфические средства служат не только важнейшим компонентом текста, но и выполняют необходимые для текста справочные функции (нумерация страниц, ссылки), придают ему эстетичность, обеспечивают рекламу.

Любая культура представляет собой не только однородную знаковую систему, но и членится на иные знаковые системы – аспекты данной культуры. Например, коллективы людей (семья, род, племя), системы знаний, верований, морали; экономика; социальная организация и т.д.

Но даже внутри видов (аспектов культуры) происходит постоянная эволюция во времени и в пространстве. Эдвард Бернетт Тайлов предложил изучать культуру с точки зрения развития каждого вида (теория эволюционных рядов). Один эволюционный ряд представляют собой топоры, другой – прялки, третий – средства передвижения, четвертый – вера и т.д. Скажем, боевой топор конца XIX века является результатом топора предшествующей эпохи и основой топора XX века, но не результатом развития ложки, которая относится к другому эволюционному ряду и тем самым к другому виду.

Поскольку понятие знака принадлежит к более широкой сфере знаковых систем – семиотике, то Ю.С. Степанов предложил называть весь эволюционный ряд эволюционно-семиотическим рядом.

На первый взгляд кажется, что замещение касается только формы. Однако же происходит и замещение содержания (вместо отдельно сидящего кучера в одном закрытом пространстве оказываются и шофер, и пассажиры). Кроме того, происходит и замещение названия (карета – автомобиль). То есть действительно происходит замещение знака.

Эволюционные семиотические ряды показывают, что в сфере культуры замещение одного предмета другим и перенос на второй форм и облика первого – это явления того же порядка, что перенос имени с одного предмета на другой; образование нового слова на основе прежнего (снег – подснежник), включение прежнего слова, предмета в состав более сложного нового (карета – вагон – купе вагона современности).

Помимо изменения рядов в ходе эволюции существуют синхронные семиотические ряды в культуре – парадигмы или стили. В такие ряды объединяются явления культуры, принадлежащие к разным эволюционным рядам, но приходящиеся на одну эпоху.

Сравним два ряда предметов, принадлежащих к двум большим периодам русской жизни – русскому ампиру (1800 – 1840 гг.) и русскому модерну (1890 – 1990 гг.). Каждая сравниваемая пара представляет собой эволюцию одного ряда – фасад здания, внутренний интерьер, мебель (кресло), ювелирное изделие, ваза.

Как мы видим, представители разных эволюционных рядов также образуют некоторое единство. Такое единство обычно называется стиль эпохи.

Таким образом, ***культурно-семиотические ряды*** – это и эволюционные семиотические ряды, и стили, парадигмы.

С точки зрения семиотики, культура – это совокупность концептов и отношений между ними, выражающихся в различных культурно – семиотических рядах (Ю.С. Степанов).

Что же такое концепт?

Концепт – явление того же порядка, что и понятие. Концепт – это сгусток культуры в сознании человека. Это то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и то, посредством чего человек сам входит в культуру.

Возьмем, например, представления рядового человека, не юриста, о «законном» и «противозаконном», – они концентрируются прежде всего в концепте «закон». И этот концепт существует в сознании (в ментальном мире) каждого человека, конечно, не в виде

четких понятий и представлений о разделении власти, об исторической эволюции понятия закона. Тот «пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождает слово закон», и есть концепт «закон». Концепты – предмет эмоций, симпатий и антипатий. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека.

У концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что входит в структуру понятия, с другой стороны – этимология (исходная форма и ее развитие), современные ассоциации, оценки.

Непосредственным выводом из изложенного является крайне важное утверждение о том, что процесс отбора и построения знаковых систем, а также их использование в процессе познания является ***сознательным и целенаправленным***, задуманным и выполняемым человеком. Именно человек и ***только человек*** может быть субъектом семиотической деятельности. Под сознательным семиозисом подразумевается, что с самого начала человек осознает свою деятельность как семиотическую. Он может и не знать этого слова, не представлять себе всех его коннотаций, но то обстоятельство, что он имеет дело со знаками и что знаки имеют символический характер, должно осознаваться им хотя бы интуитивно и активно использоваться на практике.

Вопросы и задания по теме для самоконтроля

1. В чем своеобразие языкового знака?
2. Каковы свойства языковых знаков?
3. Как проявляется асимметрия языкового знака в употреблении таких слов молодежного жаргона, как ЯЩИК, ТАЧКА, ТОРЧАТЬ?
4. Что такое «интенциональные» и «неинтенциональные» языковые знаки?
5. Что представляет собой треугольник Фреге («Строение знака»)?
6. Как можно конкретизировать этот треугольник применительно к языковому знаку?
7. Существуют ли предметы (денотаты), не имеющие специального наименования? Каким образом человек обозначает их в случае необходимости? Какие семиотические процессы при этом активизируются?
8. В чем отличие языковой знаковой системы от других знаковых систем?
9. Как вы понимаете следующее высказывание поэта Осипа Мандельштама; дайте ему семиотическое истолкование: «Живое слово не обо-

значает предмета, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещность, милое тело».

10. Можно ли считать знаками следующие предметы:

а) денежные купюры;

б) номерок за одежду в гардеробе;

в) серьгу в ухе.

Проиллюстрируйте данными примерами основные свойства знака.

10. Представьте себе, что в следующем тексте по какой-то причине исчезли пробелы между словами, прописные буквы и знаки препинания. Сможете ли вы разделить этот текст на слова? Чем вы при этом будете руководствоваться?

Площадьотличаетсяотулицыипроездаобычнотемчтоееширинаприближаетсякеедлинеивовсякомслучаеонабольшечемубольшинстваулицоднакоздесьестьисключениянапримерстараяплощадьвмосквеприеенебольшойдлинеужемногихулицэтогогородапонятночтобольшуюрольвданномотношенииираетттрадиция

11. Имеет ли носитель языка право произвольно, по своему желанию, изменить план содержания или план выражения слова? Какими могут быть последствия этого?

12. В антракте спектакля на кресле лежит программа. Что это значит? Та же самая программка осталась лежать на кресле и когда спектакль окончился, а зал опустел. Что это значит? Опишите знаковую систему данных ситуаций.

13. Найдите словесные соответствия неречевым (невербальным) знакам в следующих семиотических ситуациях. Почему эти знаки предпочитаются словам?

а) студенты встают, когда преподаватель входит в аудиторию;

б) посетитель, сидящий в приемной, время от времени покашливает;

в) автомобиль, стоящий у подъезда дома, продолжительно сигналит.

14. Представьте себе ситуацию провожания на вокзале. Отъезжающий уже в вагоне. До отправления поезда осталось 10 минут. Провожающие стоят на перроне. Опишите основные (наиболее характерные) типы жестов, которые используются в данной ситуации; переведите их на язык слов.

15. Попытайтесь при помощи жестов и мимики передать следующий диалог:

– Пошли с тобой погуляем, а?

– Не могу, мне через полчаса должны звонить.

16. Определите, что является планом содержания жестов и мимических знаков. Соотносятся ли жесты со словами языка или напрямую с понятиями? Передают ли жесты грамматические значения?

17. Какие существуют гипотезы происхождения языка человека?
18. Чем человеческая речь отличается от кодов животных?
19. Как происходит овладение знаком в младенчестве?
20. Опишите стадии голосового развития ребенка.
21. В чем специфика знакового поведения младшего дошкольника?
22. Как осуществляется семиотическая деятельность дошкольников?
23. Что представляет семиозис в младшем школьном возрасте?
24. Укажите особенности дискурсивного мышления среднего и старшего школьного возраста.
25. Какие проблемы решает этносемиотика?
26. Приведите примеры культурно-семиотических рядов.

Глава 4. **СЕМИОТИКА ПОВЕДЕНИЯ**

1. Формы человеческого общения. Природное и культурное в поведении человека. Ритуал, миф. Виды коммуникации.
2. Коммуникативная среда. Коммуникативное событие. Сферы коммуникации человека.
3. Средства и виды коммуникативного поведения. Вербальная и невербальная коммуникация у человека.

Ключевые слова

Формы человеческого общения, ритуал, миф, интраперсональная коммуникация, межличностная коммуникация, групповая коммуникация, массовая коммуникация, коммуникативное событие, сферы коммуникации, первичные средства и виды коммуникативного поведения, вторичные средства и виды коммуникативного поведения, вербальная, визуальная, невербальная коммуникация.

Требования к компетентности:

- уметь выявлять природное и культурное в поведении человека;
- уметь проектировать вербальные и невербальные компоненты семиотики поведения;
- знать условия коммуникативных ситуаций и уметь их применять на практике;
- уметь осуществлять исследовательскую деятельность при решении задач семиотики поведения.

§ 1

Критерии для выделения ***форм человеческого общения*** могут быть разными:

1. По материальной оболочке – устная и письменная формы общения.
2. По содержанию – развернутая/сжатая, осмысленная/бессмысленная (язык родной или иностранный) и т.д.
3. По количеству участников коммуникации – монолог, диалог, полилог.
4. По целеустановке – повествовательная, побудительная, вопросительная.
5. По условиям – специально спланированная/спонтанная.

Природное и культурное в поведении человека проявляется в интенциональных и неинтенциональных знаках. По мнению ученых, культурная составляющая личности человека в определенной мере зависит от окружающего социального пространства. Существование в пространстве – определенным образом нормированный аспект человеческого поведения. Люди, выросшие и воспитанные в разных культурах, обращаются с этим пространством по-разному, в соответствии с принятыми в их стране «моделями» и нормами. Обобщая социокультурный опыт, накопленный в различных знаковых системах, семиотика заставляет видеть всеобщую связь между принципами организации языка, материальной культуры и планировки пространства, духовной культуры (под которой понимается духовное отношение к пространству и определенные этические аспекты).

Пространство человеческой деятельности представляет собой пространство социального поведения и существующие коммуникативные формы его организации: пространство ритуала, пространство игры, пространство сценического действия; пространство изображения и отражение в нем социального пространства; пространство письменного текста. Своеобразным «итогом» в данном контексте может служить обобщение понятия о письменных текстах как семиотических системах.

В основе понятия пространственного семиозиса лежит общее понятие информации, а также средства информационной связи: *индексы, сигналы, знаки, символы, модели*, их репрезентативные и коммуникативные функции. Все средства информационной связи имеют свою специфику и существенно отличаются от временных носителей значений. Необходимо учитывать главным образом связь пространственного и визуального каналов. В этом ключе можно говорить о семиотизации пространства, связанной с наделением пространственных форм и отношений между ними знаковыми функциями, установлением синтаксических, семантических и прагматических правил его структурирования и осмысления. Как результат семиотизации пространства можно рассмотреть пространственные тексты, их структурное разнообразие (пространственные «тексты» предметной среды и архитектуры, основные особенности их синтактики, семантики, прагматики); особенности пространственных средств репрезентации и смысловыражения; значения пространственных форм и отношений как единицы коллективного сознания; пространственнный семиозис как механизм коммуникации между субъектами, «языковые игры» с пространственными структурами, стабильность пространственных структур и их роль как средств хранения информации, многообразие и историческая изменчивость способов их интерпретации.

Современная действительность может создавать длинные вербальные тексты, которые уже не связаны непосредственно с процессами перехода в невербальную сферу. Это, например, литература. Но если быть более точным, то литература именно таким образом и трактуется социальными институтами как воспитывающая и перевоспитывающая вербальная реальность. С наших позиций литературой становится увеличение вербального компонента за счет уменьшения невербального. Ритуал реализует обратное соотношение: удлинение невербального компонента за счет сокращения вербального. Мы можем изобразить это следующим образом:

Литература	вербальный компонент	невербальный
Ритуал	вербальный	невербальный компонент

За счет чего становится возможным подобное удлинение вербальной составляющей? Удержание внимания реализуется с помощью введения героя, который попадает в большое число событий. Качественное изменение вербального текста позволило оттенить его невербальную составляющую. Хорошо известен психологический факт отвлечения внимания, например, при прослушивании новостей продолжительностью более одной минуты. Литература должна вновь вернуть это уходящее внимание к своему тексту.

Также следует отметить мысли О. Фрейденберг о том, что слово (словесный миф, словесный сюжет) вторично по отношению к иным реализациям в виде вещи или действия, например: «Словесные мифы – только одно из метафорических выражений мифа. Но миф охватывает и выражает собою всю без исключения жизнь первобытного человека. Он может поэтому быть и вещным и действенным».

У американских аналитиков есть цикл принятия решений, именуемый НОРД – наблюдение, ориентировка, решение, действие. Литература должна действовать в рамках этого цикла, не давая читающему/слушающему возможности принять решение об отключении от этого потока коммуникации. То есть вводить все новые ситуации, тем самым поддерживая внимание.

С. Эйзенштейн выделял также бессюжетную возможность удержания внимания: «Не герой, а тот участок мира, где он появляется, становятся в центре внимания». Такой средой является ярмарка, магазин, рынок и т.д. А. Брудный так, например, говорит о дороге: «В рамках хронотопа дороги возникают новые информационные контакты». Все эти явления можно объединить как явления внешней сюжетности, тогда стандартный сюжет станет вариантом внутреннего сюжета. Для внешней сюжетности характерно множество героев и множество событий, для внутренней – один герой и набор событий, связанных с

ним. В примере «внешней» сюжетности реализуется вариант банка событий, из которого можно черпать почти бесконечно.

Есть еще одна важная характеристика литературного текста – его незавершенность: до последней страницы текст ощущается как незаконченный. Известна роль незавершенных действий для человеческой психики. Человеку свойственно стремиться к завершению подобных ситуаций. Особенно ярко это качество незавершенности проявляется в явлениях массовой культуры, например, детективе, который так захватывает человека, что он не в состоянии отказаться от чтения. С другой стороны, человек может перечитывать художественный текст, чтобы еще раз испытать это чувство незавершенности.

Миф – это, наоборот, завершенный текст. Он известен заранее, и в этом его сильная сторона, позволяющая прогнозировать его будущее развитие. Литературный текст слабо прогнозируем с точки зрения читателя. Миф полностью прогнозируем. Это вербальная сторона ритуала. Ритуал и миф описывают одну точку реальности, только с разных позиций: миф – с вербальной стороны, ритуал – с невербальной. Ритуал представляет собой известный порядок действий, требующий его выполнения. Если в литературе заложена *эстетика новизны,* то в ритуале – *эстетика повтора.*

Однотипная эстетика повтора работает в орнаменте как одном из самых старых способов воздействия. Орнамент представляет собой элементарное сочетание воздействия. Бесконечность создает его динамический характер. Остановленный орнамент, орнамент без динамики дает нам, например, свастику или пятиконечную звезду, также являющихся элементарными единицами воздействия. Вяч. Вс. Иванов пишет по поводу воззрений Эйзенштейна: «Структура, по Эйзенштейну, несет наибольшую семантическую нагрузку: произведение (как орнамент или цирковой номер – виды искусства, Эйзенштейну особенно близкие) может быть не изобразительным, но оно не может быть лишено структуры и передаваемого с ее помощью значения».

В современном ритуале враг чисто вербален, например, «американские империалисты» в отчетном докладе ЦК КПСС. В довоенное время «капиталист» мог появиться в виде чучела на первомайской демонстрации. Это чучело подвергалось оскорблению, если не физическому, то условному – осмеянию; карикатурное изображение предполагало именно данный процесс. Ведь герои подлежат не карикатуризации, а многократному увеличению, как это имеет место в случае памятников.

Современные ритуалы являются вырожденными, они занижают роль как вербального, так и невербального компонентов. Это связано с исчезновением особого безальтернативного статуса современного ритуала. Современное общество принципиально альтернатив-

но – для него характерной является ***альтернативная коммуникативная среда.*** Каждое сообщение может быть заменено любым другим. Общество прошлого стремилось к уникальности коммуникативных процессов: например, только одна книга – Библия и т.д. Следующим этапом становится трактовка слова Бога: «По отношению к Слову Бога всякая проповедь – это текст «второго порядка», слово наставника по поводу слова Бога. Цель проповеди состоит в донесении смысла слова Бога до сознания людей. Такая передача смысла представляет собой ту или иную адаптацию первичного текста (слова Бога) к возможностям человеческого разума».

Тоталитарное общество возвращается к системе уникальных коммуникативных процессов, соответственно, возрастает значимость ритуала. Торжественное собрание в честь ...надцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции выполняло главную функцию ритуальной коммуникации – делало сакральными необходимые отсылки на прошлое, задавая сакральную периодичность времени.

Коммуникация помогает усилить имеющиеся в обществе диспозиции, делая неявное явным. Коммуникацию можно рассматривать как ***интенсификацию*** имеющихся коммуникативных интенций, перевод их в более технологическую форму, под которой мы понимаем достижение прогнозируемого результата в отличие от случайного процесса.

Литература также может рассматриваться как ***преувеличение*** определенных характеристик, которое можно реализовать за счет отвлечения от несущественных с точки зрения темы характеристик в пользу значимых. Только такое преувеличенное воздействие может влиять на в определенной степени ***инерционные системы*****,** к которым можно отнести массовое сознание. Только сегодня в условиях конкурентной борьбы мы стали больше внимания уделять инновациям. Сопоставление **инновационных и инерционных** систем даст нам следующие результаты:

	инерционные системы	**инновационные системы**
отношение ко времени	более важен взгляд в прошлое	профессионально заняты будущим
оценка будущего	будущее – это вновь повторяющееся прошлое	будущее возникает впервые
тип лидера	«аксакал» (лидер старых норм)	креативная личность, которой приходится прощать экстравагантности
тип аргументов	значимо то, что уже было (например, «возврат к ленинским традициям»)	значимо новое

Как видим, два типа систем будут требовать разных коммуникативных потоков для своего осуществления, что отражается в том числе в выделении своих типов говорящих. В целях общих ориентиров можно отметить, что тоталитарные системы тяготеют к инерционности, демократические – к инновациям. Кстати, и гибель Советского Союза Френсис Фукуяма, являющийся консультантом РЕНД Корпорации, связал в числе прочего и с тем, что в целях экономического выживания СССР должен был выдвинуть на ведущие позиции научно-техническую интеллигенцию, оттеснив партаппарат и военных. А интеллигенция имеет иные представления о демократии.

Ю. Лотман, Б. Успенский отмечают в этом плане особый характер русской культуры восемнадцатого века: «Эпохи Петра I и Павла I, при всем отличии их внутренней ориентированности, характеризовались резко выраженной установкой на семиотичность. Отличаясь от предшествующей, а вторая – от будущей эпох, они составляют как бы композиционную рамку, придающую цельность всей культуре XVIII века. В самом имени императора Павла была заложена знаковая соотнесенность с воспоминаниями о петровской эпохе, что придает этим рамкам значение осознанного факта».

В терминах Ю. Лотмана и Б. Успенского ориентация на прошлое и ориентация на будущее предстают как ориентация на Язык и ориентация на Текст соответственно. В рамках модели Павла сначала выдумывалась теория, под которую затем подводилась жизнь.

Это общая тенденция, которая не давала персонализации и содержанию изображаемого. Есть также мнение по этому поводу А.Я. Гуревича, который связал неконкретность изображения с вневременностью: «Не менее показательно отсутствие портрета в живописи. «Незнакомое с портретом тысячелетие» – так именуют историки эпоху средних веков. Между тем уже давно установлено, что художники подмечали индивидуальные черты человеческих лиц и были способны их передать. Не «неумение» и «ненаблюдательность» живописцев, а стремление запечатлеть общее в ущерб неповторимому и сверхчувственное за счет реальных особенностей личности ставило предел приближению к портретному сходству. Но отсутствие портрета непосредственно связано с тяготением к воплощению вечных истин и непреходящих ценностей и проливает дополнительный свет на восприятие времени в средние века. Человек не ощущал себя существующим во времени».

Интересно, что перед нами общее отражение проблемы перехода от коллективного к индивидуальному мышлению.

Виды коммуникации выделяются по составу коммуникантов:

- интраперсональная коммуникация равна разговору с самим собой, человек диалогизирует и свой внутренний «монолог», разговаривая со своим внутренним голосом, alter ego, совестью и т.п.;

- межличностная коммуникация как правило связана с идеальной моделью коммуникации и во многом первична, в ней участвуют двое коммуникантов (но есть варианты наблюдателя, включенного наблюдателя и постороннего, коммуникации на фоне присутствующих свидетелей, в толпе, в ресторане и т.п.);

- групповая коммуникация: внутри группы, между группами, индивид–группа (интервью политического лидера или разговор руководителя компании со служащими); есть различия – не столько количественные, сколько качественные: разные цели – в коммуникации в малых и в больших группах (chat rooms и forums в интернете; message boards);

- массовая коммуникация происходит в том случае, если сообщение получает или использует большое количество людей, зачастую состоящее из различных по своим интересам и коммуникативному опыту групп (телевидение, радио; производство компакт-дисков и кассет; интернет различаются по степени охвата и всеобщей «обязательности», здесь может срабатывать индивидуально-групповая избирательность; телефон и почта подходят под данную рубрику только количественно, за исключением массовой или целевой, т.е. групповой рассылки рекламы по почте).

§ 2

Практически все, что окружает человека, что составляет его среду обитания, является также и ***коммуникативной средой***. При этом часть этой среды составляют предметы и явления, могущие быть использованными в коммуникативной функции, а часть – собственно средства коммуникации, для которых передача сообщений является их основным назначением.

Сообщение никогда не отправляется ради сообщения как такового. Его цель – организовать действия получателя (или самого отправителя, как в случае размышления о своих действиях). Слово – всегда поступок (идея, идущая от «философии причастности» М.М. Бахтина), можно говорить о сопряженности коммуникации и действия, о речедействии (термин Ю.В. Рождественского).

В последнее время в политологии, социологии, социолингвистике и теории коммуникации получил распространение термин дискурс (его можно условно расшифровать с помощью формулы:

речь + действие). Поскольку действие и взаимодействие индивидов происходит в определенной коммуникативной среде, в определенной общественной сфере коммуникации, то говорят об институциональном дискурсе (политический дискурс, религиозный дискурс, педагогический дискурс, деловой дискурс, производственный дискурс и т.д.).

Комплекс коммуникативных актов, объединенных общей задачей и ситуативными условиями, можно назвать ***коммуникативным событием***. В сфере бизнес-коммуникации такими коммуникативными событиями можно считать, например, презентации и выставки. В политической сфере примером коммуникативного события может быть визит главы государства (запланированное и организованное событие) и террористический акт (незапланированное событие, которое требует определенной реакции). В случае незапланированного коммуникативного события мы часто сталкиваемся с необходимостью кризисной коммуникации.

Коммуникация происходит в разных сферах. В некоторых из них (например, архитектура, музыка) довольно трудно разделить коммуникативный континуум на дискретные единицы. Известный итальянский исследователь Умберто Эко, считающий, что «культура есть по преимуществу коммуникация», предложил собственный, интересный и глубокий анализ ряда коммуникативных сфер: кино, живописи, архитектуры, рекламы и др. Глубокий анализ коммуникации в рекламной, торговой, политической сфере, в кино и фотографии можно найти в работах Ролана Барта.

Например, для развития человеческого общества является характерным постепенный уход от обязательной публичности некоторых аспектов жизни. М. Уваров говорит о смене публичного покаяния тайной исповедью к концу IV века. Если раньше за многие прегрешения требовалось публичное покаяние, то теперь оно сменяется индивидуальной исповедью. Публичная сфера, вероятно, не столько сокращает свой статус, сколько допускает существование иной сферы. Но исповедь, будучи индивидуальной коммуникацией, реально отражает публичные требования к этому типу текста. Так что можно выделить не только ***сферу публичной*** и ***индивидуальной коммуникации***, но и ***сферу публично-индивидуальной***, под которой мы будем понимать индивидуальное решение общественных задач. Проповедь является таким же типом текста, только обратно направленным вариантом его. Эти два вида направленности следующие: исповедь – от индивида к обществу, проповедь – от общества к индивиду. И тот, и другой тип общения носят индивидуализированный характер.

Сферы коммуникации привлекали внимание исследователей в различной степени. Достаточно традиционной считается сфера бытовой коммуникации (преимущественно межличностной).

Сфера производственной коммуникации в нашей стране была в поле зрения, в основном, в рамках инженерной психологии. В последнее же время ведутся разработки и в направлении коммуникационного менеджмента, и прикладной риторики. Стиль общения (речевого и невербального) руководителя с подчиненными, взаимодействие сотрудников в процессе работы, написание служебных документов и другие аспекты могут как улучшить работу предприятия, так и развалить ее.

В связи с бурным развитием рыночных отношений из производственной выделилась сфера бизнес-коммуникации или делового общения. Наличие достаточных средств в сфере бизнеса способствовало публикации учебной и справочной литературы по коммуникации и культуре общения, распространению коммуникативных знаний и приемов, пусть и в достаточно упрощенной форме.

Весьма широко ведутся исследования в сфере политического дискурса. Наличие множества партий и политических организаций, течений и групп требует ориентации в политическом коммуникативном пространстве.

Сфера научного дискурса – также достаточно традиционный объект исследовательского интереса. В то же время, если прежде изучался, в основном, специфический язык научных публикаций, то теперь исследователей привлекают различные проблемы: от создания виртуального глобального научного сообщества (через интернет) до организации коммуникативных событий типа научных конференций и конгрессов. В ряде стран организация научной коммуникации стала предметом бизнеса.

Сфера образовательного дискурса также раскрывает новые грани в нашей стране в связи с дифференциацией образования, появлением рынка образовательных услуг, возникновением потребности в рекламе у образовательных учреждений. Набор в вуз, встречи с будущими студентами, профориентация, консультационные услуги, тестирование – вот ряд направлений коммуникации образовательных учреждений со своими потребителями.

Разговор преподавателя со студентом – сфера педагогического дискурса – также отдельная область рассмотрения.

Коммуникативные сферы шоу-бизнеса и спортивного бизнеса также достаточно молоды, хотя и имеют определенную предысторию в нашей стране.

Сфера туристического бизнеса является весьма плодородной в смысле коммуникативных событий и сообщений. В ряде случаев она пересекается со сферой международной, межкультурной коммуникации.

Международная коммуникация осуществляется на различных уровнях как в виде официальной (традиционно), так и в виде народной (в последнее время) дипломатии. Существует обширная литература по особенностям межкультурного общения, дипломатическому этикету, дипломатическому протоколу и т.п.

Сфера религиозного дискурса обслуживает потребности коммуникации в церкви. Здесь также важна проблема понимания и интерпретации, недаром наука *герменевтика* (теория интерпретации) возникла именно вследствие необходимости толковать старые тексты Священного писания.

§ 3

Выдающийся американский исследователь Эдвард Сепир проводил разграничение между фундаментальными средствами, или первичными процессами, коммуникативными по своей природе, и некоторыми вторичными средствами, облегчающими процесс коммуникации.

Первичные средства и виды коммуникативного поведения, по Сепиру, следующие: язык, жестикуляция, имитация публичного поведения в процессе включения в образ жизни общества и «социальный намек» (неявные процессы новых актов коммуникативного поведения).

Вторичные средства направлены на облегчение первичных коммуникативных процессов в обществе: языковые преобразования, символизм и создание физических условий для осуществления коммуникативного акта.

Языковые преобразования связаны с заменой кода, познаковым «переводом» (например, замена устного языка – письмом, азбукой Морзе и т.п.) и делают коммуникацию возможной в тех случаях, когда она затруднена обстоятельствами (например, время и расстояние). Символические системы (флажки-сигналы на флоте, семафор и светофор, горн в армейской коммуникативной среде и т.п.) переводят возможное вербальное сообщение не познаково, а глобально, целиком. Это требуется в тех случаях, когда необходима быстрота восприятия сообщения, быстрота реакции, когда ожидается простейший ответ типа да/нет. Например, на дороге, когда для поворота на большой скорости не так много времени, длинные тек-

стовые сообщения были бы вредны. Развитие физических условий, позволяющих осуществлять коммуникацию, по Сепиру, включает железные дороги, самолет (доставляют коммуниканта), телеграф, телефон, радио (доставляют сообщение или его воспроизведение).

Коммуникация у человека протекает в основном в рамках двух основных каналов: ***вербального*** и ***визуального***. Именно в этой области чувств у человека оказались более совершенные порождающие и анализирующие аппараты. Собака, к примеру, может различать сорок тысяч вариантов запаха, что недоступно человеку. Механизмы анализа и порождения должны дополняться соответствующими механизмами запоминания. А в области запаха или вкуса человек уже не имеет такой четкой системной памяти. В качестве обратного примера, подтверждающего правило, можно сослаться на произведение Марселя Пруста, герой которого мог восстановить далекий прошлый контекст именно по подсказке из этой области.

Вербальная коммуникация строится на лексически выделенных единицах, соответствующих реалиям мира. Это приводит к большому числу единиц словаря, из которых складывается бесконечное число сообщений. ***Визуальная коммуникация*** не обладает подобным набором заранее установленных единиц. Отсутствие элементарных единиц делает более универсальным процесс восприятия визуальной коммуникации, поскольку не требует предварительного знания списка единиц для понимания сообщения.

Однако и на визуальном уровне существуют предварительные нормы, определяющие форму необходимого сообщения. А. Маслоу смотрит на проблему еще шире, когда говорит, что нехватка красоты может быть патогенным фактором: «Чтобы доказать это положение, я предпринял ряд экспериментов, связанных с красивым и уродливым. Так, например, я предъявлял испытуемым фотографии обычных людей, снятых в неприглядной обстановке, и испытуемые склонны были описывать этих людей как психотиков, параноиков или преступников. Это говорит о том, что в уродливом окружении лица людей и, вероятно, сами люди будут казаться нам плохими, уродливыми, неприглядными. Насколько уродливое окружение будет влиять на вас, целиком зависит от вашей восприимчивости и от того, в состоянии ли вы переключить свое внимание с неприятного стимула на что-то другое, менее неприятное. Продолжая эту мысль, можно утверждать, что жизнь в неприятном окружении с неприятными людьми является патогенным фактором для психологического здоровья. Выбирайте для общения красивых и достойных людей, и вы обнаружите, как улучшается ваше самочувствие и ваша самооценка».

Вербальная коммуникация для человека является основной – имеется в виду не генезис коммуникации, а универсальность этого способа для человека, всеобщую переводимость любых других коммуникативных средств на вербальный человеческий язык. К числу вербальных средств относится устная и письменная разновидности языка.

Невербальные средства делятся на две группы: первичные языки (система жестов, пантомима, мимика) и вторичные языки (азбука Морзе, музыкальная нотация, языки программирования). Вербальные средства изучаются лингвистикой и семиотикой, невербальные – паралингвистикой и отдельными разделами семиотики.

Ч. Дарвин в 1872 г. опубликовал работу «Выражение эмоций у людей и животных», чем положил начало изучению проблем языка тела. Ученый доказывал, что, подобно животным, человек подчиняется биологическим законам. С их помощью он контролирует свои действия, реакции, «язык тела», жесты и т.д. С тех пор большинство исследователей сходились на том, что словесный (вербальный) канал служит для передачи информации, а невербальный применяется для уточнения межличностных отношений и ценностных ориентаций. Думается, это разделение функций условно, так как вся невербальная коммуникация также представляет собой специфическую, многофункциональную информацию. В некоторых случаях она используется для замены словесных сообщений. Ч. Чаплин и другие актеры «немого» кино стали родоначальниками невербальной коммуникации. Для них она была единственным средством общения на экране.

Язык тела может многое рассказать о чувствах и намерениях коммуникантов. Биологические корни языка тела лежат в различных позах животных, изучаемых этологией (поза устрашения, примирения, любовных намерений и т.п.). Значения позы, положения конечностей, пальцев рук и т.п. не всегда точно определены изначально, они зависят от контекста. Более того, человеческое тело достаточно подвижно, чтобы принимать почти любое положение.

В то же время исследователи человеческой биосемиотики отмечают ряд типичных поз, наборы которых (парадигмы) носят культурный оттенок: скрещенные ноги при сидении с пятками сверху – Индия, сидение на корточках – Средняя Азия и т.п.

Таким образом, как и у животных, позы человека, точнее их семиотическая интерпретация, не являются полностью врожденными: они усваиваются в процессе общения с подобными себе. Практический вывод из этого положения: можно учиться и переучиваться (создавая заданный определенными параметрами лич-

ностный образ коммуникатора), и переучивать других (создавать образ другого человека, заниматься имиджмейкерством).

Язык тела включает пять составляющих:

- *жесты*: способ знакового использования рук. Можно, например, махать рукой из другого конца зала, привлекая внимание; показывать рост и другие размеры рукой от пола или двумя руками – размер пойманной рыбы. Можно указывать пальцем на предмет, хотя это и не считается приличным в обычном контексте. Но если это делается в контексте профессионального дискурса, то это вполне приемлемо и даже необходимо: футбольные арбитры указывают на центр поля или в сторону ворот. Использование жестов для человека становится необходимым, когда другие средства недоступны или маловыразительны: тренеры во время гонок сообщают промежуточные результаты лыжнику или конькобежцу, слов было бы просто не слышно. Особый случай – язык глухонемых. С одной стороны, использование визуального канала неизбежно, с другой – это не дополнительный, а основной язык для слабослышащих, поэтому его нельзя включить в данную классификацию;

- *мимика*: способ использования выражения лица. В первую очередь мы смотрим человеку в глаза – зеркало души. Инструментом мимики является и рот. Мы можем наблюдать тончайшие различия в улыбке и во взгляде. Положение деталей лица выполняет знаковые функции: поднятые брови в удивлении, гневе, страхе или приветствии;

- *положение тела*: способ держать себя (свое тело). Считается, что расслабленное положение свидетельствует о доверии к собеседнику. Многое в семиотике тела восходит к природным инстинктам. Напряженность в стрессовой ситуации (например, наедине с преступником) напоминает поведение животного по отношению к хищнику. Семиотика тела весьма важна при первой встрече, ведь собственно человеческие моменты личности еще не успели проявиться;

- *проксемика* (в переводе с латинского – «ближайший»): способ использования пространства. Расстояние между собеседниками зависит и от возраста, и от пола коммуникантов, и от степени знакомства между ними. Здесь также видны биологические корни (любовь – дружба – доброжелательность – недоброжелательность – вражда). Обычно недостаточно знакомого человека «держат» на расстоянии вытянутой руки;

- *тактильная коммуникация*: прикосновения, похлопывания и т.п. Использование тактильных элементов коммуникации говорит о взаимных отношениях, статусе, степени дружбы между коммуникантами. Этот способ в большей степени наблюдается у при-

матов, в человеческом обществе – у женщин и детей: хождение под руку и в обнимку, рука на плече, похлопывание по плечу, по щеке.

В педагогической коммуникации используются две группы средств общения: вербальные и невербальные. Первые подчиняются единству форм и содержания, что возможно при учете объективных и субъективных условий. При использовании вторых весь организм становится средством общения. Человек чаще всего несет ответственность за речь, а не за невербальный контекст, который мы не всегда умеем декодировать, поэтому в педагогических образовательных учреждениях нужно изучать невербалику. Она дает важнейшую информацию о личности и обеспечивает дополнительный успех в педагогической деятельности.

Для правильной интерпретации телодвижений необходимо учитывать не только словесный текст, но и невербальный контекст. Существует прямая зависимость между социальным положением педагога, авторитетом, профессиональным мастерством и его словарным запасом, выразительностью жестов и телодвижений.

В рамках невербальной коммуникации успешно разрабатываются такие научные разделы, как *кинесика*, *проксемика* и *такесика*. *Кинесика* изучает систему средств коммуникации (жесты, позы, телодвижения и т.д.). В научной литературе жесты делятся на указующие, подчеркивающие, ритмические, эмоциональные и т.д. Например, в жестах многих учителей и преподавателей доминирует интуитивное начало. Манеры их нередко отличаются экспрессивной скованностью или мимической избыточностью, неуместностью выражений. Кинетические средства действуют на зрительный канал, усиливая впечатление от звучащей речи, оттеняя смысл сказанного, позволяя отделить главное от второстепенного, экономя время передачи информации. Кинесика отражает индивидуальный стиль педагога – одежду, украшения, прическу, макияж и все то, что усиливает привлекательность человека, создает его педагогический имидж.

Второй из указанных разделов семиотики – *проксемика*. В поле ее внимания – физическое расположение, дистанция между общающимися, временные факторы, последовательность предметов и явлений, одежда, цвет, расположение людей в пространстве, а также акустические, визуальные, тактильные, обонятельные особенности пространства. Доказано, например, что невербальная коммуникация хороша на больших расстояниях, когда не слышно голоса партнеров, если в классе шумно и т.д. Различают такие виды дистанций между общающимися людьми (по материалам амери-

канского исследователя Е.Т. Галле): 1) «интимная» дистанция (от 0 до 40 см, максимум 60 см) отражает близкие отношения между общающимися; 2) «личная» (приблизительно от 0,4 до 1,5 м) присуща общению с друзьями, коллегами; 3) «общественная» (от 1,5 до 4 м) используется для делового общения; 4) «открытая» (от 4 и более м) характерна для общения между малознакомыми или незнакомыми людьми.

Такесика изучает различные прикосновения, электромагнитное, эмоциональное, гравитационное воздействие, а также иррациональные раздражители. Средства и приемы такесики разнообразны, многочисленны и весьма эффективны. Их влияние на учащихся изучено пока недостаточно. В одних случаях они играют положительную роль, а в других – могут привести к конфликтам.

Многие виды невербалики многофункциональны. Так, танец отражает динамическую структуру личности и включает жесты, мимику, взгляд (кинесика), интонационно-ритмические характеристики голоса, различные виды прикосновений (такесика), запахи, расстояния между партнерами, колорит национального костюма, цвет и свет при исполнении танца (проксемика). Язык танца познаваем, экспрессивен, красочен и живописен, танцорам ничего не надо говорить.

Существует несколько методов обработки знаковой информации: различение знаков, их измерение, апробирование, сравнение, интеграция и т.д. Такую информацию можно также измерять и оценивать по временным характеристикам, по величине, количеству и качеству ошибок, по длительности, яркости, по нервно-психическому напряжению, связанному с выполнением человеком какой-либо работы. Овладевшему знаковой информацией легче показать взаимовлияние явлений и предметов. Познание при этом может происходить и без непосредственного педагогического общения учеников и учителя.

Вопросы и задания по теме для самоконтроля

1. Среда или наследственность влияют на поведение человека?
2. Как связаны речь и поведение человека?
3. Какие виды речи выделяют?
4. Какой из видов речи развивается раньше? Почему?
5. Приведите примеры форм речи.
6. В каких сферах осуществляется коммуникация человека? Приведите примеры.

7. Каковы условия успешности коммуникативной ситуации?

8. В чем специфика структуры коммуникативного акта?

9. Всегда ли коммуникация вербализируется? Аргументируйте свой ответ.

10. Являются ли невербальные компоненты коммуникации врожденными или приобретенными?

11. Представьте классификацию текстовых языков в виде схемы.

12. Что такое ритуал?

13. Каковы национальные особенности ритуалов приветствия?

14. Как взаимосвязаны символическое и бытовое поведение человека?

15. Опишите сферы коммуникации.

16. Какие знаки можно выделить в искусственном интеллекте?

17. Можно ли найти сходство в действиях компьютера и мыслительном поведении человека? Обоснуйте свою точку зрения.

18. Опишите элементы природного и культурного в поведении человека.

19. Приведите примеры символов этикета в разных культурах.

20. Отразите в таблице взаимосвязь вербальных и невербальных средств коммуникации в деятельности педагога.

ЗАДАНИЯ ДЛЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

1. Проанализировать статью Ч. Морриса «Знаки и действия»: составить краткий конспект статьи, указать на различия в понимании семиозиса Ч. Пирсом и Ч. Моррисом, рассмотреть условия действия, описанные Ч. Моррисом, изложить собственную точку зрения на терминологию, предложенную Ч.Моррисом.

2. Написать эссе «Знаки, которые нас окружают».

3. Составить типологию знаков и знаковых систем.

4. Сформулировать проблемы общей семиотики.

5. Составить таблицу основных свойств языка на основе статьи Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики».

6. Написать реферат «Гипотезы происхождения языка человека».

7. Составить таблицу различий естественных и искусственных языков.

8. Доказать интенциональность языка некоторых видов животных.

9. Рассмотреть семиотические аспекты студенческого возраста.

10. Описать проблематику семиосферы.

11. Выявить специфику знаковых систем компьютеров.

ПЕРЕЧЕНЬ КОНТРОЛЬНЫХ ВОПРОСОВ И ЗАДАНИЙ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Что такое «семиотика»? Что является объектом и предметом изучения семиотики?

2. Каковы основные проблемы семиотики?

3. Что такое «знак»? Как рассматривается проблема знака с точки зрения разных областей научного знания?

4. Что такое «знаковая ситуация»?

5. Чем отличаются динамическая и статическая знаковые ситуации?

6. Какие подходы (потоки идей) можно выделить в истории семиотики?

7. Назовите истоки семиотики в трудах Аристотеля, Секста Эмпирика, стоиков. Взгляды Т.Бэкона, Д. Локка, Р. Декарта и Г.В. Лейбница на проблему знака.

8. Кто является основоположником семиотики как науки?

9. В чем принципиальное отличие строения семиозиса у Ч. Пирса, Ч. Морриса и Ф. де Соссюра?

10. Какая типология знаков принята в современной семиотике?

11. Что представляет собой треугольник Фреге? Какие еще семиотические схемы/ модели вы знаете?

12. Какова трактовка знаков и аспектов рассмотрения знаков в отечественной и зарубежной науке?

13. Охарактеризуйте тартуско-московскую школу семиотики: основные проблемы, представители.

14. Дайте характеристику французской семиотике (семиологии), постструктуралистской семиотике Р. Барта, Ю. Кристевой, Ж. Дерриды.

15. Какова современная проблематика общей семиотики?

16. Назовите самостоятельные разделы общей семиотики.

17. Каковы свойства знаков?

18. Как можно классифицировать знаки с учетом разных оснований классификации?

19. Что такое «знаковая система»?

20. Перечислите знаковые системы по степени нарастания семиотических свойств.

21. Какие элементы являются обязательными для семиозиса?

22. Как можно структурно представить знаковую ситуацию?

23. Как могут пополняться знаковые системы?

24. Каковы современные тенденции в развитии знаковых систем?

25. Укажите предмет и задачи абстрактной семиотики.

26. В чем отличие языковой знаковой системы от других знаковых систем?

27. В чем проявляется специфика знаковой ситуации и языка человека (понятие и представление как формы смыслового значения)?

28. В чем своеобразие языкового знака?

29. В чем суть проблемы языковой способности с позиций семиотики?

30. Перечислите свойства языковых знаков.

31. Чем отличаются естественные языки от искусственных?

32. Что такое «интенциональные» и «неинтенциональные» языковые знаки?

33. Какими чертами характеризуются неинтенциональные языки животных?

34. Используют ли животные интенциональные языки?

35. Определите сущность языка животных.

36. Перечислите формы человеческого общения.

37. В чем отличие человеческой речи от кодов животных?

38. Что такое «глоттогенез»? Назовите гипотезы происхождения языка человека.

39. Что такое «онтогенез»? Каковы семиотические механизмы онтогенеза?

40. Как происходит овладение знаками в младенчестве?

41. Что собой представляет семиотическая деятельность дошкольников?

42. Как происходит усвоение знаковых систем в школьном возрасте?

43. Каковы семиотические аспекты студенческого возраста?

44. Что такое «семиосфера»?

45. Почему триада «человек – текст – семиосфера» является предметом исследования семиотики культуры?

46. Объясните принципиальное различие между внутренним пространством семиосферы и внешним.

47. Что такое «параграфемика»?

48. Что такое «концепт»?

49. Что такое «культурно-семиотические ряды»?

50. Какие задачи связывают семиотику и кибернетические устройства?

ТЕМАТИКА РЕФЕРАТОВ

1. История формирования семиотики.
2. Знаковые концепции стоиков и Аристотеля.
3. Семиотика эпохи Возрождения.
4. Г. Лейбниц и теория исторического происхождения языков.
5. Симультанность мышления и линейность речи в трудах Э. Кондильяка.
6. Синхронный и диахронный семиотические подходы к изучению языков.
7. «Внутренняя форма» В. фон Гумбольдта.
8. «Означаемое» и «означающее» Ф. де Соссюра.
9. Значение трудов Ч. Пирса для развития семиотики.
10. Основные понятия семиотики в изложении Ч. Морриса.
11. Семиотические идеи А.А. Потебни и П. Гриеже.
12. Особенности мировоззрения Ролана Барта.
13. Стили мышления Ю. Кристевой и Т. Толстой.
14. Постмодернизм У. Эко – текст художественного произведения как новая реальность.
15. Формальное направление русской семиотики (Р. Якобсон, Ю. Тынянов, А. Реформатский).
16. «Взгляд на развитие семиотики» Р.О. Якобсона.
17. Концепция семиосферы Ю.М. Лотмана.
18. Проблема знака в работах Л.С. Выготского.
19. Приоритетные направления современной семиотики.
20. Коммуникативное пространство современной культуры: знаки и символы.
21. Особенности знаковых и речевых ситуаций.
22. Аполлоническое и дионисийское начало в мировой культуре.
23. Особенности иконических знаков А. Дюрера.
24. Интенциональность и неинтенциональность языка животных.
25. Язык зрительных образов.
26. Проблема внутренней речи.
27. Безмолвной мысли знак: семиотика жестов.
28. Универсальные знаковые системы.
29. Семиозис развития личности.
30. Орудие и знак в развитии ребенка.
31. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского.
32. Формирование семиотического значения в онтогенезе.
33. Индивидуальные и социальные факторы в семиозисе.
34. Способы пополнения / изменения семиотических систем.

ТЕМАТИКА ЭССЕ

1. Проблема базисного знака.
2. Критика принципов произвольности и линейности языкового знака.
3. Семиотический треугольник Г. Фреге.
4. Вильгельм Гумбольдт и проблема языка как деятельности, выражающей глубинный дух народа.
5. Специфика взглядов Ф. де Соссюра на теорию языкового знака.
6. Концепция письма Ж. Дерриды.
7. Постструктурализм и критика замкнутого текста.
8. Культурно-семиотические ряды ремесел.
9. Человек как знак.
10. Семиотика концептов (по Ю.С. Степанову).
11. Ассимиляция знаков в окружающем мире.
12. Артефакт как внешний символ эстетического объекта.
13. Янус как символический знак античности.
14. Символика красоты.
15. Внутренняя форма национального обряда.
16. Феномен «старой вещи» в культуре.
17. Семиотический анализ происхождения и развития живописи.
18. Динамика сигнификата знака «Зеркало».
19. Концептуализация смыслов в произведениях П. Коэльо.
20. Символы с изображением животных и растений: история и современность обозначения.
21. Приветствие как знак в разных семиотических системах.
22. Семиотика детского словотворчества.
23. Семиотические механизмы младшего школьного возраста.
24. Семиотическая деятельность среднего и старшего школьного возраста.
25. Семиотика ролевого общения.
26. Паралингвистика как семиотическая система.
27. Структура и семантика языка кино.
28. Семиотическая организация поэтических текстов.
29. Священные письмена: религиозные знаки и их предметное значение.
30. Учебная деятельность как особая семиотическая система.
31. Языковая игра как форма жизни.
32. Надкультурное в поведении человека.
33. Символизм этикетных форм общения.
34. Знаковые ситуации и язык компьютеров.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА[2]

Основная литература

1. Аветян, Э.Г. Семиотика и лингвистика / Э.Г. Аветян. – М., 1980.
2. Агеев, В.Н.Семиотика / В.Н. Агеев. – М.: Изд-во «Весь мир», 2002.
3. Ветров, А.А. Семиотика и ее основные проблемы / А.А. Ветров. – М.: Изд-во политической литературы, 1988.
4. Гринев, С.В. Основы семиотики / С.В. Гринев. – М., 2000.
5. Иванов, В.В. Очерки по истории семиотики в СССР / В.В. Иванов. – М., 1983.
6. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002.
7. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1999.
8. Моррис, Ч. Основания общей теории знаков / Ч. Моррис // Семиотика. – М., 1983.
9. Плотников, Б.А. Семиотика текста: параграфемика / Б.А. Плотников. – Минск, 1992.
10. Пирс, Ч.С. Из работы «Элементы логики» / Ч.С. Пирс // Семиотика. – М., 1983.
11. Пирс, Ч.С. Логика как семиотика: теория знаков / Ч.С. Пирс // Метафизические исследования. – Вып. 11. Язык. – СПб., 1999. – С. 199 – 217.
12. Семиотика / сост. Ю.С. Степанов. – М., 1983.
13. Соломоник, А. Философия знаковых систем и язык / А. Соломоник. – Минск: МЕТ, 2002.
14. Соломоник, А. Позитивная семиотика (о знаках, знаковых системах и семиотической деятельности) / А. Соломоник; ред. Г. Крейдлин // Образование: исследовано в мире [Электрон. ресурс]: Международный научный педагогический Интернет – журнал с библиотекой – депозитарием = oimru / ред. совет: В.П. Борисенков, Б.С. Гершунский, Н.И. Загузов, Н.Д. Никандров, В.А. Поляков, Б.Н. Сизов, Д.И. Фельдштейн [и др.]; гл. ред. Р.П. Будаков; программист Д.А. Мариенко; Российская академия образования, ГНПБ им. К.Д. Ушинского; спонсор «Прожект хармони. Инк». – Электрон. журн. с библиотекой. – М.: OIMRU, 2000. – Режим доступа: World Wide Web. URL: http://www.oim.ru.
15. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М., 1977.
16. Степанов, Ю.С. Язык и метод / Ю.С. Степанов. – Часть 1. Семиотика. – М.: Языки русской культуры, 1998.
17. Почепцов, Г.Г. История русской семиотики до и после 1917 года / Г.Г. Почепцов. – М.: Лабиринт, 2007.

[2] Литературу из данного списка автор использовал при подготовке пособия.

18. Фреге, Г. Смысл и денотат / Г. Фреге // Семиотика и информатика. – Вып. 35. – М., 1997. – С. 351–379.
19. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – М., 1998
20. Эко, У. Введение в семиологию / У. Эко. – М., 2005.
21. Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1994.
22. Якобсон, Р.О. Взгляд на развитие семиотики / Р.О. Якобсон // Язык и бессознательное. – М., 1996. – С. 139 – 161.

Дополнительная литература

1. Аристотель. Сочинения в 4 т. / Аристотель. – Т. 2. – М., 1976.
2. Асмус, В.Ф. Античная философия / В.Ф. Асмус. – 2-е изд. – М., 1976.
3. Барт, Р. Лингвистика текста / Р. Барт // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. 8.
4. Барт, Р. Основы семиологии / Р. Барт // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр. Г. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. – С. 247–310.
5. Гаспаров, Б. Французская и восточноевропейская семиотика на рубеже 1970-х гг. / Б. Гаспаров. – М., 2002.
6. Головин, Б.Н. Знаковый характер языка / Б.Н. Головин // Общее языкознание / Ф.М. Березин, Б.Н. Головин. – М., 1979.
7. Горный, Е. Что такое семиотика? / Е. Горный // http:// www.zhurnal.ru/staff/gorny/texts/what_is_semiotics_r.html
8. Гринев, С.В. К уточнению некоторых основных понятий семиотики / С.В. Гринев // Филологические науки. 1997. – Вып. 2. – С. 67 – 76.
9. Деррида, Ж. Голос и феномен / Ж. Деррида. – СПб.: Алетейя, 1999.
10. Крейдлин, Г.Е. Семиотика, или азбука общения / Г.Е. Крейдлин, М.А. Кронгауз. – М.: МИРОС, 1997.
11. Культурология. В 2 т. – Т. 2. – Киев, 2000. – С. 194 – 197.
12. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 440 – 442.
13. Лосев, А.Ф. Учение о словесной предметности (лектон) в языкознании античных стоиков / А.Ф. Лосев // Знак. Символ. Миф. – М., 1982.
14. Советский энциклопедический словарь. – М., 1985. – С. 205.
15. Фоли, Д. Энциклопедия знаков и символов / Д. Фоли. – М., 1999.
16. Якушин, Б.В. Гипотезы о происхождении языка / Б.В. Якушин. – М., 1984.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Чарльз Уильям Моррис

ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ ЗНАКОВ

<...> Отношение семиотики к наукам двоякое: с одной стороны, семиотика – это наука в ряду других наук, а с другой стороны, это – инструмент наук. Важное значение семиотики как науки кроется в том, что это – определенный шаг вперед в унификации науки, поскольку она закладывает основы любой другой частной науки о знаках – такой, как лингвистика, логика, математика, риторика и (по крайней мере до известной степени) эстетика. Понятие знака может оказаться важным для объединения социальных, психологических и гуманитарных наук, когда их отграничивают от наук физических и биологических.

Но если семиотика – это полноправная наука, изучающая вещи и свойства вещей в их функции служить знаками, то она в то же время и инструмент всех наук, поскольку любая наука использует знаки и выражает свои результаты с помощью знаков.

Процесс, в котором нечто функционирует как знак, можно назвать *семиозисом.* Этот процесс в традиции, восходящей к грекам, обычно рассматривался как включающий три (или четыре) фактора: то, что выступает как знак; то, на что указывает (refers to) знак; воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком. Эти три компонента семиозиса могут быть названы соответственно *знаковым средством* (или *знаконосителем)* (sing vehicle), *десигнатом* (designatum) и *интерпретантои* (interpretant), а в качестве четвертого фактора может быть введен *интерпретатор* (interpreter). Эти термины делают эксплицитными факторы, остающиеся необозначенными в распространенном утверждении, согласно которому знак указывает на что-то для кого-то.

Знак должен иметь десигнат; тем не менее очевидно, что не каждый знак действительно указывает на какой-либо реально существующий объект. Трудности, которые такие утверждения могут вызвать, – только кажущиеся, и для их разрешения не требуется обращения к метафизическому царству «сущностей».

Для констатации фактов о знаках семиотика как наука пользуется особыми знаками, это некий язык, на котором можно говорить о знаках. Семиотика включает в себя три подчиненные ей дисцип-

лины: синтактику, семантику и прагматику, которые изучают соответственно синтактическое, семантическое и прагматическое измерения семиозиса. Каждая из этих дисциплин нуждается в собственных специальных терминах; термин «имплицирует», употребленный раньше, – это термин синтактики; «означает» и «денотирует» – термины семантики, а выражает» – прагматики. А поскольку разные измерения – это лишь аспекты одного и того же процесса, то между терминами этих дисциплин обнаруживаются определенные связи; и понадобятся особые знаки для характеристики этих связей и тем самым процесса семиозиса в целом. Термин «знак» – это термин семиотики в целом; его невозможно определить в пределах одной лишь синтактики, семантики или прагматики; лишь при очень широком использовании термина «семиотический» можно сказать, что все термины этих дисциплин являются семиотическими терминами. <...>

Ф. де Соссюр

КУРС ОБЩЕЙ ЛИНГВИСТИКИ

<...>Основные свойства языка:

1. Язык есть нечто вполне определенное в разнородном множестве фактов речевой деятельности. Его можно локализовать в определенном отрезке рассмотренного нами речевого акта, а именно там, где слуховой образ ассоциируется с понятием. Он представляет собою социальный аспект речевой деятельности, внешний по отношению к индивиду, который сам по себе не может ни создавать его, ни изменять. Язык существует только в силу своего рода договора, заключенного членами коллектива. Вместе с тем, чтобы знать его функционирование, индивид должен учиться; ребенок овладевает им лишь мало – помалу. Язык до такой степени есть нечто вполне особое, что человек, лишившийся дара речи, сохраняет язык, поскольку он понимает слышимые им языковые знаки.

2. Язык, отличный от речи, составляет предмет, доступный самостоятельному изучению. Мы не говорим на мертвых языках, но мы отлично можем овладеть их механизмом. Что же касается прочих элементов речевой деятельности, то наука о языке вполне может обойтись без них; более того, она вообще возможна лишь при условии, что эти прочие элементы не примешаны к ее объекту.

3. В то время как речевая деятельность в целом имеет характер разнородный, язык, как он нами определен, есть явление по своей природе однородное – это система знаков, в которой единственно

существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти компонента знака в равной мере психичны.

4. Язык не в меньшей мере, чем речь, конкретен по своей природе, и это весьма способствует его исследованию. Языковые знаки хотя и психичны по своей сущности, но вместе с тем они – не абстракции; ассоциации, скрепленные коллективным согласием и в своей совокупности составляющие язык, суть реальности, локализующиеся в мозгу. Более того, знаки языка, так сказать, осязаемы: на письме они могут фиксироваться посредством условных написаний, тогда как представляется невозможным во всех подробностях фотографировать акты речи; произнесение самого короткого слова представляет собою бесчисленное множество мускульных движений, которые чрезвычайно трудно познать и изобразить. В языке же, напротив, не существует ничего, кроме акустического образа, который может быть передан посредством определенного зрительного образа. В самом деле, если отвлечься от множества отдельных движений, необходимых для реализации акустического образа в речи, всякий акустический образ оказывается, как мы далее увидим, лишь суммой ограниченного числа элементов, или фонем, которые в свою очередь можно изобразить на письме, при помощи соответствующего числа знаков. Именно возможность фиксировать явления языка позволяет сделать словарь и грамматику верным изображением его: ведь язык – это сокровищница акустических образов, а письмо обеспечивает им осязаемую форму.

Язык есть система знаков, выражающих понятия, а следовательно, его можно сравнивать с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т.д. и т.п. Он только наиважнейшая из этих систем.

Следовательно, можно представить себе *науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества;* такая наука явилась бы частью социальной психологии, а следовательно, и общей психологии; мы назвали бы ее *семиологией* (от греч. *sēmeion* «знак»). Она должна открыть нам, что такое знаки и какими законами они управляются. Для нас же проблемы лингвистики – это прежде всего проблемы семиологические, и весь ход наших рассуждений получает свой смысл лишь в свете этого основного положения. Кто хочет обнаружить истинную природу языка, должен прежде всего обратить внимание на то, что в нем общего с иными системами того же порядка; а многие лингвистические факторы, кажущиеся на первый взгляд весьма существенными (например, функционирование органов речи), следует рассматривать лишь во вторую очередь, поскольку они слу-

жат только для выделения языка из совокупности семиологических систем. Благодаря этому не только прольется свет на проблемы лингвистики, но, как мы полагаем, при рассмотрении обрядов, обычаев и т.п. как знаков все эти явления также выступят в новом свете, так что явится потребность объединить их все в рамках семиологии и разъяснить их законами этой науки. <...>

Умберто Эко

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ «ИМЕНИ РОЗЫ»

<...>Автор не должен интерпретировать свое произведение. Либо он не должен был писать роман, который по определению – машина-генератор интерпретаций. Этой установке, однако, противоречит тот факт, что роману требуется заглавие.

Заглавие, к сожалению, – уже ключ к интерпретации. Восприятие задается словами «Красное и черное» или «Война и мир». Самые тактичные, по отношению к читателю, заглавия – те, которые сведены к имени героя-эпонима. Например, «Давид Копперфильд» или «Робинзон Крузо». Но и отсылка к имени эпонима бывает вариантом навязывания авторской воли. Заглавие «Отец Горио» фокусирует внимание читателей на фигуре старика, хотя для романа не менее важны Растиньяк или Вотрен-Колен.

У моей книги было другое рабочее заглавие – «Аббатство преступлений». Я забраковал его. Оно настраивало читателей на детективный сюжет и сбило бы с толку тех, кого интересует только интрига. Эти люди купили бы роман и горько разочаровались. Мечтой моей было назвать роман «Адсон из Мелька». Самое нейтральное заглавие, поскольку Адсон как повествователь стоит особняком от других героев. Но в наших издательствах не любят имен собственных. Переделали даже «Фермо и Лючию». Заглавие «Имя розы» возникло почти случайно и подошло мне, потому что роза как символическая фигура до того насыщена смыслами, что смысла у нее почти нет: роза мистическая, и роза нежная жила не дольше розы, война Алой и Белой розы, роза есть роза, розенкрейцеры, роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет, rosa fresca aulentissima.

Название, как и задумано, дезориентирует читателя. Он не может предпочесть какую-то одну интерпретацию. Даже если он доберется до подразумеваемых номиналистских толкований последней фразы, он все равно придет к этому только в самом конце, успев сделать массу других предположений. Название должно запутывать мысли, а не дисциплинировать их.

Автор не должен объяснять. Но он может рассказать, почему и как он работал. Пишущий (рисующий, ваяющий, сочиняющий музыку) всегда знает, что он делает и во что это ему обходится. Он знает, что перед ним – задача. Толчок может быть глухим, импульсивным, подсознательным. Ощущение или воспоминание. Но после этого начинается работа за столом, и надо исходить из возможностей материала. В работе материал проявит свои природные свойства, но одновременно напомнит и о сформировавшей его культуре (эхо интертекстуальности).

Для рассказывания прежде всего необходимо сотворить некий мир, как можно лучше обустроив его и продумав в деталях. Например, взяв реку с двумя берегами и на левом берегу посадив удильщика со скверным характером и несколькими судимостями, можно уже начинать писать. Начинать фиксировать в словах то, что не может не произойти. Что делает удильщик? Удит. Следует более или менее традиционная серия жестов. А потом что происходит? Происходит то, что рыба либо клюет, либо нет. Если клюет, удильщик выуживает ее и довольный идет домой. Конец истории. Если же она не клюет, и при его скверном характере, он должен обозлиться. Скорее всего он разнесет об колено удочку. Небогато, но все-таки зарисовка.

Однако тут возникает индейская пословица насчет того, что надо «сесть на берегу реки и ждать – труп твоего врага обязательно проплывет по реке». Что если сплавить по реке, мимо удильщика, труп его врага? Учитывая, что такая возможность содержится в интертекстуальном ареале реки? Нельзя забывать и о судимостях удильщика. В их свете эта ситуация ничего хорошего не обещает. Как он станет выпутываться? Удерет? И сделает вид, что не заметил труп? Видите, стоит совсем немножко обустроить воображаемый мир – и сюжет определяется. Определяется и стиль, потому что фигура удящего предписывает рассказу медлительность и плавность (сообразно его ожиданию, вынужденному и терпеливому), но с оттенком нервозности – ведь удильщиком владеют нетерпение, ярость, жажда мести.

Задача сводится к сотворению мира. Слова придут сами собой. В прозе ритм задается не отдельными фразами, а их блоками. Сменой событий. Одни романы дышат как газели, другие – как киты или слоны. Гармония зависит не от продолжительности вдохов и выдохов, а от регулярности их чередования. Хотя – и тем значительнее эффект – в определенные моменты, но не слишком часто, вдох может внезапно пресекаться и главка (или последовательность главок) обрывается, когда дыхание еще не переведено. И это может

сыграть колоссальную роль в звучании рассказа. Так обозначаются важнейшие сломы. Действие приобретает особую эффектность. По крайней мере так выглядят примеры, встречающиеся у великих: «Несчастная ответила». – Точка. – Абзац 2.

Когда сочиняют, думают о читателе. Так художник пишет и думает о будущем созерцателе его картины. Ударив разок кистью, он отходит на два или три шага и оценивает впечатление. То есть рассматривает картину с той же точки, с которой будет смотреть, при нормальном освещении, публика, когда картину повесят на стену. По окончании любой работы завязывается диалог между произведением и публикой. Автор из него исключается. А пока работа еще не кончена, ведутся два других диалога. Во-первых, между создаваемым текстом и остальными, ранее созданными текстами (каждая книга говорит только о других книгах и состоит только из других книг). И, во-вторых, диалог автора с идеальным читателем.

На какого идеального читателя ориентировался я в моей работе? На сообщника, разумеется. На того, кто готов играть в мою игру. Я хотел полностью уйти в средневековье и зажить в нем, как в своей современности (или наоборот). Но в то же время я всеми силами души хотел найти отклик в лице читателя, который, пройдя инициацию – первые главы, станет моей добычей. То есть добычей моего текста. И начнет думать, что ему и не нужно ничего, кроме того, что предлагается этим текстом. Текст должен стать устройством для преображения собственного читателя.

Мораль: существуют навязчивые идеи; у них нет владельца; книги говорят между собой, и настоящее судебное расследование должно доказать, что виновные – мы. <...>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Введение 4

Глава 1. История формирования семиотики 11

Глава 2. Современное состояние общей семиотики 26

Глава 3. Направления в современной семиотике 41

Глава 4. Семиотика поведения 77

Задания для индивидуальной работы студентов 93

Перечень контрольных вопросов и заданий
для самостоятельной работы 94

Тематика рефератов 96

Тематика эссе 97

Рекомендуемая литература 98

Приложения 100

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Учебное издание

КАВИНКИНА Ирина Николаевна

ОСНОВЫ СЕМИОТИКИ

Пособие

Техническое редактирование: *М.В. Вахмянина*
Компьютерная верстка: *О.М. Нестерчук*
Дизайн обложки: *О.В. Канчуга*
Подписано в печать 22.03.2011. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Ризография. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 6,28. Уч.-изд. л. 6,19. Тираж 100 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение:

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

ЛИ № 02330/0549484 от 14.05.2009.
ЛП № 02330/0494172 от 03.04.2009.

Пер. Телеграфный, 15а, 230023, Гродно.

ISBN 978-985-515-393-2